

Токарев фон Лихтенштейн

**РЕИНКАРНАЦИЯ
СУДЕБ**

**А. Н. И.
Екатеринбург
2016 г.**

T51 Токарев фон Лихтенштейн, «Реинкарнация судеб».
Некоммерческое литературно-художественное издание. –
«Ассамблея независимых издательств» (Уральский филиал),
Екатеринбург, 2016 г, 68 стр., с иллюстр.

Книга содержит три рассказа об абсолютно разных эпохах человечества и живущих в этих временных отрезках главных героях. Рассказы объединяет одно – уже многими забытые человеческие ценности, такие как любовь, верность, сострадание, порядочность, честность и неподкупность.

В рассказе «Исповедь» – судьба человека, жившего в период правления Иоанна Грозного. Он, как и многие, страдал, грешил, каялся, был счастлив. В повествовании поставлена проблема отрезвляющего действия реалий жизни на отдельно взятую личность и последствия этого «прозрения». «Страж Олимпии» – повесть, меняющая привитые с детства классические представления о том, какие были и есть Олимпийские Боги. Повествование в лучших традициях фантастики как литературного жанра расширяет границы реальности, стараясь ответить на вопрос «а что было бы, если». Вместе с героями повести читателя ожидают перемещения в пространстве, новые технологические возможности человечества, а также мрачные ужасы возможных войн и всепобеждающая любовь.

«Мужество. Отвага. Честь» – фантастический рассказ, повествующий о недалёком будущем человечества и судьбе героя, попавшего в довольно неприятную жизненную ситуацию и пытающегося осознать, кем он является на самом деле.

ИСПОВЕДЬ

ПРОЛОГ

Тёплый ветерок ласкал обветренное, но от этого не менее привлекательное лицо молодого человека, смотрящего вдаль бескрайнего голубого моря. Солнце шло к закату, береговой бриз приятно трепал длинные русые волосы. Он сидел на пляже, наслаждаясь этой удивительной красотой Средиземноморья, так непохожей на заснеженные просторы его родной Московии. Тишина. Мысли не давали покоя. Он отложил в сторону перо и листок бумаги, рядом лежала опустошённая бутылка «Просекко».

– Когда-нибудь мир узнает тайну Лазаретто Нуово, – с грустью подумал Агний.

1

– Агний, забери-ка этого зверёныша, – держа одной рукой за ногу плачущего младенца, сказал Буян, и кинул его в мою сторону.

– Ух, собаки Новгородские, царь-батюшка живота своего не жалеет, а вы его предали, – продолжил он, избивая палкой уже бесчувственное тело матери ребёнка. Новгород пропах дымом от горевших дворов, опальному люду оставалось только молить Бога, чтоб сия участь минула их. Во двор внёсся всадник, остановившись возле нас, поправил собачью голову, притороченную к седлу, крикнул:

– Оставляй опальных, государев люд, Батюшка созывает, на монастырь пойдём, «крестить» всех будем.

– Агний, что ты там со зверёнышем никак разобраться не можешь? О бревно забей, пока безгрешен, в рай попадет, глядишь.

Только сейчас я заметил, что у меня на руках ребёнок. Оглянувшись по сторонам, увидел навзничь лежащую девушку, замученную Буяном, двор был устлан истерзанными телами убиенных нами людей. Потерявшая рассудок седая старуха с растрёпанными волосами сидела и причитала. Я остановился.

– По коням, – как гром среди ясного неба, прогремел голос Ярека. Он вывел меня из оцепенения. Уже пять лет я состоял на службе у игумена Иоанна, много лицезрел и участвовал в злодеяниях, но до сего момента делал это обыденно, без жалости и сострадания.

– Ну что ты копаешься, Агний, ты едешь али как? – подъехав на гнедом рысаке, спросил Буян.

– Езжай, Буян, я вас нагоню, вон малец остался, да и старуха полоумная, сейчас добыю опальных. Перед царём стыдно появиться, недоделав работу-то.

– Тоже верно, Агний, ну давай нагоняй. Но, но, пошёл родненький, – стеганув плетью рысака, крикнул Буян. Конь, заржал, встал на дыбы и помчался, унося седока в снежную даль.

Что-то не так, не так, как всегда, мысль пришла неожиданно, молнией впиалась в моё сознание. Бежать, бежать. Неправильно, не по-православному, но бежать.

Я схватил овчину, валявшуюся на снегу, стряхнул и укутал в неё плачущего ребёнка.

– Мать, как величать то тебя? – спросил я.

Старуха засмеялась.

– Извини, матушка, извини, Христом Богом молю, извини.

Старуха, продолжая смеяться, смотрела на меня пустым взглядом.

– Сколько ни бегать, сколько ни прятаться, дел добрых ни делать, Бог всё видит, доброго в чертоги к себе приведёт, злого к лукавому отправит. Нет тебе прощенья, убийца, ни тебе, ни тому, кому служишь.

Сделав из ремней лямки, я повесил овчину с ребёнком к себе на грудь, взобрался в седло и поскакал прочь от Новгорода. Вслед мне смеялась обезумевшая от горя старуха.

2

Вот уже двенадцать месяцев я искал пристанище для себя и уже подросшего за это время Есислава. Он был слишком мал, чтобы запомнить те ужасы, которые творил я с сотоварищами. Чужды мы были для всех, не принимала нас чужая земля, а возвращаться в Московию было смерти подобно. Здравствует ещё Иоанн Васильевич на престоле, а он измен не прощает, ох как не прощает. Я уже было отчаялся найти новый дом, как случилось непредвиденное. Направляясь в Светлейшую Республику Венеция, наш корабль из-за вспышки бубонной чумы поставили на карантин. Он находился на острове Лазаретто Нуово. Все суда с экипажем и пассажирами, идущие в Венецию, на которых имелись хоть малейшие признаки эпидемии, должны были пробыть там сорок суток.

В Лазаретто я встретил свою любовь. В обсервацию вошла санитарка, когда я увидел её, моё сердце учащённо забилося. Высокая, необычайно красивая смуглая девушка, с черными как смоль длинными волосами, большими чёрными глазами. Утончённые черты лица, статная осанка указывали на благородное происхождение незнакомки.

Осмотрев нас, девушка, не сказав ни слова, повернулась и пошла к выходу. Быстро одевшись, я бросился её догонять. Испытания, выпавшие на нашу долю после бегства с Новгорода, дали только один положительный результат, я в совершенстве овладел португальским языком, и сносно общался на итальянском. Девушку я догнал уже за пределами обсервации.

– Il mio nome Агний, – жестикулируя, сказал я.

– Бенигна, – улыбнувшись, ответила она, оценивающе окинув меня взглядом своих бездонных чёрных глаз.

– Мы приехали с Московии, снег, соболю, – показывал я на свой воротник.

– А, Muscovite?

– Sì, Sì.

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что она в совершенстве владеет португальским.

Так началось моё знакомство с Бенигной. Вечерами мы втроём прогуливались по внутреннему парку. Я с упоением, как мальчишка, рассказывал Бенигне о Московии, её необъятных просторах, красоте и многообразии природы. О далёких странах, в которых я побывал с Есиславом, причудливых, а порой даже непонятных обычаях живущих там людей. Эти дни были насыщены безмятежностью, радостью, казалось, что это первые настоящие дни моей жизни, настоящей жизни. Ушли тревоги и переживания минувших лет, грех за невинно убиенных и замученных мной людей, лежавший камнем на душе, ушёл так же внезапно, как и пришёл ко мне морозным утром 29 января 1570 года в Новгороде.

Каждую ночь, уложив Есислава, Бенигна делила со мной ложе, я ласково называл её Бени, она всегда отвечала мне взаимностью. Сорок дней карантина пролетели как один миг, и я точно знал, что буду делать дальше.

– Бени, ты слышала последние новости? Дож Альвизе набирает наёмников, чтобы выступить на стороне Священной лиги против турок. Кроме как воевать, я больше ничего не умею.

– Ты можешь любить. – Она улынулась и, обняв меня, страстно поцеловала.

После поцелуя я отстранился от неё и сказал:

– Бени, пойми, нам нужно на что-то жить, я не знаю другого способа заработать цехины, а жить, перебиваясь случайными гадзеттами, я не хочу и не буду.

– Фамилия моей семьи занесена в «Золотую книгу», они в состоянии обеспечить меня, – ответила она с вызовом в голосе.

– Бени, любовь моя, я хочу жениться на тебе, но не смогу жить на деньги твоих родственников. Как мне просить твоей руки и сердца у твоего отца?

Бенигна смотрела на меня с осуждением, не понимая мою принципиальность.

– Ты должна мне поверить и понять меня.

– Береги себя, и возвращайся скорей, Агний, я позабочусь о нашем мальчишке.

Собрав на скорую руку вещи, я вышел, не оборачиваясь, пошёл в сторону причала, где находился корабль, привёзший нас в это райское место. Бенигна стояла в дверях, смотря вслед уходящему в неизвестность любимому человеку. На её лице блестели слёзы, рядом, охватившись за ногу, стоял Есислав.

3

Да, третья битва при Лепанто удалась на славу, не разгадал Али-паша замысел Хуана Австрийского.

Не прогадали Пий V и Филипп II при создании Священной лиги. И, возможно, сам Бог направлял их флотилию, к сожалению, сие мне неведомо. Когда боевые порядки сомкнулись в жестокой морской битве, я возглавлял абордажную команду флагмана «Реал». И только мы подошли к галере «Султан», в ход пошли абордажные крюки. С боевым рёвом команда бросилась в бой, звуки выстрелов, звон сабель, пороховой дым, запах крови и пота, – всё смешалось. Увидев в трёх метрах от себя отличавшегося от других богатством доспехов человека, в тюрбане, расшитом золотом, я выхватил пистолет и выстрелил. Дым рассеялся, возле поверженного мной противника стоял турок и что-то кричал, хватаясь за голову.

– Паша, Паша, Али-паша, – только и смог я понять из нечленораздельного крика турка. Я понял, что убил адмирала турецкого флота Али-пашу. Подойдя к телу, одним ударом обезглавил военачальника, насадив голову с тюрбаном на пику. Исход битвы был предречён, турки, увидев голову своего господина, в панике прыгали за борт, бросая оружие.

За этот подвиг я лично от Дона Хуана Австрийского получил сьявон, эфес которого был украшен золотом и драгоценными камнями.

Стоял конец ноября 1571 года, когда я возвращался домой к ненаглядной Бени. Сойдя на пирс Лазаретто, бодрым шагом направился к своей любимой. Мысленно уже видел себя с ней под алтарём, Бени хоте-

ла обвенчаться в последний день перед Великим Постом. Какая же она у меня жизнерадостная, моя прекрасная Бени!

Перед моим убытием она сказала, что хочет показать мне всю красоту Венецианского карнавала. Подготавливая речь, я не заметил, как подошёл к двери. Постучался, она нудно скрипнула, приоткрывшись на небольшое расстояние. «Почему она не заперта?», – возник в голове вопрос. Зайдя в комнату, я не нашёл ни Бени, ни Есислава, по слою пыли было видно, что в комнате не жили минимум месяц, я почувствовал неприятный тревожный осадок, по спине пробежал холодок.

– Бени, Есислав, где вы? – выбежав во двор, кричал я. И со всех ног помчался в блок обсервации, где находился рабочий кабинет начальника карантина, Антонио Моркатто. Забжав в кабинет, с порога крикнув ничего не понимающему Антонио:

– Где Бенигна, Бенигна Донателло?

Я взял его за грудки и начал трясти.

– Чёртов чревоугодник! Где Есислав? – мешая русский язык с португальским, кричал я в бешенстве.

– Возьмите себя в руки! Стража, стража! – завопил он. В кабинет вбежала охрана. Удар, в глазах потемнело, я потерял сознание. Очнувшись, увидел вытирающего пот с покрасневшего толстого лица Антонио. Я сидел безоружный и крепко связанный по рукам бечёвкой, по краям стояла охрана.

– Что это за выходки, любезный? – скрывая дрожь в голосе, спросил Моркатто.

– Санитарка, Бенигна, где она? Где мой сын? Я Агний, прибыл...

– Я знаю, кто вы и откуда прибыли, как не знать героя Лепанто. Что касается вашего поведения, то я вас прощаю, и не буду просить удовлетворения, – поглаживая эфес моего наградного сьявона, лежавшего у него на столе, сказал он.

– И на том спасибо, – ухмыльнулся я. – Так где находятся мои близкие?

– Ладно, ладно я вам расскажу, – уловив мой недобрый взгляд, сдался Антонио. – Только до конца рассказа я вас не развяжу.

– Спустя месяц после вашего отплытия с острова, в Лазаретто начали пропадать домашние животные и скот, впоследствии их находили мёртвыми в разных частях острова. Странность состояла в том, что все трупы были обескровлены. Животные пропадали с регулярной периодичностью, строго в полнолуние. Люди начали роптать и говорить о вампире, призванном покарать нас за грехи земные. С каждым новым трупом рос страх обывателей перед неизвестным. Для расследования происшествия мной с Венеции был вызван один из Совета десяти. Но

к глубокому сожалению, он не успел добраться вовремя. 29 октября полевой хирург Паниони, идя на утренний осмотр, заметил шевеление в кустах у церкви Святого Димитрия. Заглянув туда, он увидел окровавленное детское тело, а рядом с ним на коленях сидела Бенигна, её ночное платье и лицо были измазаны кровью. Испугавшись, он начал кричать и звать на помощь. Агний, её забили досмерти, свершив самосуд. Связали, засунули кирпич в рот и захоронили в неизвестном месте. Сегодня состоится казнь настоящего преступника, мы его нашли неделю назад, поймав за совершением сатанинского ритуала.

Антонио достал маленький крестик и протянул его мне. Это был нательный крест Есислава.

– Развяжите, – попросил я.

ЭПИЛОГ

«Сорок дней счастья – это всё, что я заслужил за свою грешную жизнь. Нет, в этот раз совесть не обмануть, она сжигает меня изнутри. Я знаю, что в Царствии Господнем для меня нет места. Любите ближнего своего».

Поставив точку, Агний аккуратно свернул рукопись и засунул её в бутылку, плотно закупорив горлышко. Со всего размаха закинул её в море. Он спокойно зашёл в воду, перекрестился. Ушёл герой Лепанто, оставив на жёлтом песке наградной скьявон с золотым эфесом. Два медных крестика «святого и грешника» одиноко лежали рядом, а бутылка с рукописью плыла к землям Московии, неся в себе предупреждение будущим поколениям. За всё в этой жизни надо платить.

СТРАЖ ОЛИМПЦИИ

НЕ ЗАБЫВАЙ ПРОШЛОЕ!

ЦЕНИ НАСТОЯЩЕЕ!

ВЕРШИ БУДУЩЕЕ!

*«Если Вам говорят, что в армии служат одни дураки,
не слушайте, их очень мало, но они так классически
расставлены на местах, что создаётся полная
иллюзия того, что там одни идиоты».*

2005 год, п. Шатой, Чеченская республика

Токарев фон Лихтенштейн.

Посвящается Памяти Аркадия и Бориса Стругацких.

ПРОЛОГ

2015 год. Санкт-Петербург Россия

Прекрасным летним утром, в тени высокой пышной ели центрального городского парка, сидел задумчивый молодой человек, невольно притягивающий к себе взгляды праздно гуляющих людей. У него были правильные черты лица, красивые, большие карие глаза, в которых читалась боль и огромный жизненный опыт. Такие глаза можно увидеть у глубоких стариков, прошедших длинный путь, хотя молодому человеку на вид дашь не больше тридцати лет.

Я украдкой наблюдал за ним, моё любопытство пересилило меня. Набравшись смелости, я подошёл к нему, сел на ту же скамейку

– Доброе утро, меня зовут Джон, Джон Вайс, я писатель. Извините, я вас не побеспокою, присев рядом?

– Вы уже присели, – сухо ответил молодой человек.

– Да, да, извините.

– Вы что-то хотели?

– Нет, просто присел. Не правда ли сегодня прекрасный день? – продолжил я, пытаюсь разговаривать своего немногословного, невольного собеседника. К своему удивлению, у меня это получилось.

– В каждом дне есть что-то прекрасное, так же, как и во временах года, всё зависит от того, к чему вы больше тяготите, – философски ответил он.

– Извините за мою бестактность, я не представился. Клим Редли, капитан, – молодой человек протянул мне руку. – Бывший капитан, – улыбнувшись, добавил Клим.

– У вас странная фамилия для России. Ваши родители англичане?

– Частично.

Я недоумённо посмотрел на него.

Клим рассмеялся, похлопал меня по плечу, и ответил:

– Да шучу я, шучу.

С этого момента началось моё знакомство с этим неординарным, во многом странным для обывателя, человеком. И так как я временами «подрабатывал» писателем, он предложил рассказать мне свою удивительную и невероятную историю жизни, чтобы я изложил всё на бумаге и по возможности донёс до читателя.

ГЛАВА 1 АРТЕМИДА

Перед тем, как я начну своё повествование, хотелось бы рассказать немного о себе. Капитан Клим Рэдли родился в Лондоне 26 декабря 1903 года в семье отставного морского офицера и пошёл по стопам своего отца. Знаю, что в вашем временном отрезке династии – это модно. С самого детства меня тянуло в различные истории, которые выводили из себя моих родителей. Любил подраться, и независимо от исхода, мне доставляло это огромное удовольствие. Я презирал страх, ненавидел трусость и мог всегда с лёгкостью согласиться на изначально невыполнимые, но от этого не менее привлекательные авантюры. К глубокому сожалению, в восемь лет я потерял своих маму и папу, которые отправились отмечать годовщину своего бракосочетания в 1912 году на печально известном всему миру трансатлантическом лайнере «Титаник». По этой же причине они меня не взяли с собой, и оставили на попечение моему дяде Клейну. В четырнадцать лет, видя мою неиссякаемую энергию, дядя Клейн отдал меня учиться в Дортмутский военно-морской

колледж, который по истечению трёх с лишним лет я окончил с отличием. После был определён в Восточно-Индийский флот гардемаринном, в конечном итоге я дослужился до капитана. Конечно же, не обходилось без любовных походов, пьяных драк в сомнительных заведениях, боевых выходов во имя Британской короны. В 1927 году волею случая я оказался в «Интеллидженс сервис», где и продолжил свою службу на благо моей Родины.

Лондон, 1937 год.

Великобритания готовилась к одиннадцатому чемпионату мира по хоккею с шайбой, заголовки газет пестрили лозунгами и призывами к победе сборной. В воздухе чувствовалась атмосфера всеобщего праздника.

Поздней ночью, восемнадцатого февраля, как и обычно находясь в Лондоне, я брёл по брусчатой мостовой неосвещённой улицы, возвращаясь с Бродвей Билдинг. Улица была безлюдна. Светила полная луна, нудно накрапывал мелкий дождик, от чего брусчатка выглядела злоеце, и только гулкое эхо шагов выдавало моё присутствие. Не обращая внимания на погоду, я был в отличнейшем расположении духа. Мой шеф Хью Синклер объявил мне благодарность. И ходатайствовал перед Королём Георгом VI о награждении меня Крестом Виктории за отлично проведённую работу в Германии по вербовке офицеров, недовольных действующим фашистским режимом. После череды неудач на «невидимом фронте» Британской империи и бесконечных «нагоняев» со стороны начальства, хотелось отметить это событие. В свои тридцать четыре года я не имел семьи, у меня не было друзей, так что выбор куда пойти был небольшой. Ноги сами меня понесли в отличный бордель, находившийся неподалёку на Хеймаркет. Но в этот раз я до него не добрался.

Оступившись на небольшой мутной от грязи луже, я попытался сохранить равновесие, но не преуспел в своём занятии ни на йоту, и со всего размаху упал на кучу зловонных отходов, перемешанных с человеческими экскрементами. Ругаясь на чём свет стоит, я попытался встать. Не успел, меня неожиданно взяли под руки и подняли с такой легкостью, что я даже не сообразил как такое возможно, поставили на ноги. Слегка ошарашенный, я оглянулся по сторонам, машинально при этом отряхиваясь. В тени дома в футе от меня стоял высокий человек, закутанный в чёрный плащ. Его лицо скрывал капюшон, а свет луны, освещавший улицу, будто бы обходил стороной его тёмный силуэт. Создавалось впечатление, что лунные блики просто растворялись, попадая на плащ господина. Мне стало жутковато, хотя по своей натуре я абсолютно непугливый человек.

– Спасибо сэра, – только и смог я выговорить.

– Не за что, – ответил мне красивый женский голос. В этом голосе одновременно было журчание весенних ручейков, переливающийся на солнце бисер утренней росы, раскаты осеннего грома, капли дождя, падающие на черепичную крышу, лёгкое дуновение ветерка. От этого прекрасного голоса мой страх исчез, так же внезапно, как появился.

– Извините, мисс, за моё непристойное положение, я выгляжу сейчас нелепо.

– Что вы, вы выглядите довольно прилично, если немного постираться и умыться. – Она засмеялась, и её звонкий смех разогнал редкие рваные облака на тёмном небе. Внезапно прекратился дождь и на небе появились мириады звёзд.

– Меня зовут Артемида, – сказала незнакомка, грациозно снимая плащ.

– Артемида, – только и ответил я, не отрывая взгляда от столь неопишуемой красоты, открывшейся мне. Юная девушка с большими голубыми как море глазами. Длинные золотые локоны были собраны в косу с вплетёнными в них изумрудными нитями. Высокий красивый лоб был обрамлён золотой диадемой в виде лотоса с витиеватыми узорами на висках. Короткая полупрозрачная туника с высоким вырезом на груди, повторяла все линии её совершенного тела.

Из пустоты позади Артемиды начали выходить девы, воздух вибрировал и напоминал водную гладь, в которую бросили камень, и пошла рябь. Они были неизмеримо прекрасны и статны, но ничто не могло сравниться с её красотой.

– Познакомьтесь, Клим, с моими верными спутницами, нимфами, они могут доставить вам неземное удовольствие, – сказала, улыбнувшись, Артемида.

«Откуда она знает моё имя?» – мимолётно промелькнуло в сознании. Но в эту минуту я ничего не мог понять, мои мысли путались, голова была как в тумане, я потерял связь с реальностью. И смог задать лишь очень глупые вопросы:

– Что со мной происходит? Что всё это значит?

– Ну, к делу так к делу, – улыбнувшись, ответила Артемида.

– Клим, знай, мы, Боги Олимпии, не можем вмешиваться в дела смертных. И тем не менее должны блюсти закон и порядок, установленный за миллионы жизненных циклов до сотворения мироздания.

– Установленный? Кем? – спросил я.

Не обращая внимания на неуклюже заданный мной вопрос, она продолжала:

– Тебе выпала великая честь, Клим, быть Стражем Олимпии. Было нелегко принять это решение, но в связи с осложнившейся ситуацией мы были вынуждены это сделать. В царстве Аида, куда не доходят ни радость, ни свет, Геката, окружённая сворой стигийских псов, предала своего властелина. И сейчас, рыская по мирам и времени, нацелила свой взор на галактику Млечный путь, систему Примокентус. Чтобы возвести своё царство, независящее от богов и законов. Царство великого Хаоса, где бы она одна была бы полновластной, единоличной хозяйкой. А это, в свою очередь, может нарушить и без того хрупкое равновесие.

Выйдя из оцепенения, я не без труда, наконец-то вернул себе самообладание.

– И за какие такие заслуги мне выпала «великая честь», боюсь я спросить? – Это было сказано не без сарказма.

– Зачем мне, смертному, вообще ввязываться в ваши «божественные» разборки? Какое мне дело до какого-то там Примок...? Даже не выговоришь.

– Дело в том, что стража не выбирают, им не становятся по наследству, – перебила Артемида.

– Стражем рождаются, при определённом расположении созвездий, один раз в двадцать тысяч лет по земному исчислению, – так же невозмутимо продолжала богиня.

– Страж что, редкий вид? – перебил я.

Она улыбнулась своей обворожительной улыбкой и ответила:

– Отчасти, если уместно так сказать. Страж может появиться в любом из сотен подвластных нам миров, другими словами ты Страж по рождению, Клим. Что касательно «божественных разборок», скажу прямо, во вселенной всё взаимосвязано, и непланируемое разрушение одного из звеньев этой «цепочки» может сказаться и на твоей родной планете. Ты можешь оградить Землю от этого. С другой стороны, что тебя здесь держит? «Белых пятен» на Земле становится с каждым годом всё меньше. Бесконечные войны, ведущие к тотальному уничтожению человечества и лишённые всякого смысла для непосвящённых, это тебя манит? Ты не подходишь для этого мира, тебе предначертано большее. Великие мойры уже записали тебя в свиток судьбы, и не в силах изменить это никому.

Я судорожно думал под завораживающий голос Артемиды, искал логику в происходящем, но не мог дать себе никакого объяснения. Может быть, я сошёл с ума, и сейчас нахожусь в одной из психиатрических лечебниц на окраине Лондона? Я чувствовал, как на моём лице читалась полная растерянность и смятение.

Артемиде протянула ко мне свою руку, я непроизвольно взял её. То, что произошло дальше, было неопишимо. Я ощутил невероятную лёгкость во всём теле, вернее сказать, я его просто не чувствовал. При этом я видел себя и Артемиду, она держала меня за руку, наши тела были прозрачны, сквозь них были видны звёзды. Я оглянулся и увидел огромную голубую планету, с материками и океанами, белоснежными барашками облаков, горными хребтами. Это незабываемое, завораживающее зрелище.

– Это твоя планета, Клим, – нежно сказала богиня. Мне в очередной раз за эту ночь стало страшно, на доли секунд что-то защемило в груди.

– Я больше не вернусь, – с тоской подумал я.

– Вернёшься, Клим, обязательно вернёшься, – прочитав мои мысли, ответила Артемиде.

ГЛАВА 2 ЗНАКОМСТВО С ОЛИМПОМ

Не знаю, сколько прошло времени, под впечатлением я потерял ему счёт. Да и важно ли это? Время – всего лишь упорядоченный отрезок жизненного цикла.

– Ну, вот мы и дома, – радостно сказала Артемиде.

– Где дома? – переспросил я. Мы зависли над пустотой и только мерцание далёких звёзд, не оставило нас в кромешной тьме.

Раскинув руки, Артемиде воскликнула:

– О, прекрасные Оры, откройте врата дочери Латоны, сестре Аполлона, верной служительнице Олимпии. И как по волшебству раздвинулись в стороны звёзды, как будто невидимые руки подняли кулисы. Передо мной открылась как на ладони солнечная система, названная Олимпией, спрятанная от любопытных глаз и тщательно охраняемая Орами от непрошенных гостей. В центре системы находилась звезда, Артемиде называла её Гелиос.

Ближе всех к Гелиосу находилась планета, так похожая на Землю, это был благородный и величественный Олимп, в котором правил Зевс Громовержец Бог всех Богов. Вторая по счёту планета носила название Океан. Она была создана Зевсом и названа в честь титана Океана, который один из первых встал на сторону Зевса, наперекор своим братьям и сёстрам, в великой битве против Титанов и Кроноса. Бессменным правителем Океана был властитель морских глубин Посейдон, средний брат Зевса Громовержца. И не было там места суше, вся поверхность планеты была покрыта водой. Дальняя же от Гелиоса планета системы

была черна и зловеща. Её жуткую поверхность испещряли реки вулканической лавы, которая бурлила и взрывалась снопами искр. Зловонный смрад, казалось, разносился по всей вселенной. Планета Тартар, царство старшего брата Зевса, мрачного Аида.

Держась за руки, мы с Артемидой плавно спускались на поверхность Олимпии. Подул свежий ветерок, воздух был чист и прозрачен, витал аромат свежести. Под нами простирались зелёные луга, лазурный берег с золотым песком, омываемый голубым океаном. «Вот что значит гармония», – подумал я. Паря над поверхностью и смотря на постепенно меняющийся ландшафт, я чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком.

На горизонте появилась тёмная точка, которая, по мере нашего приближения, принимала очертания зелёного островка, парившего в небе. К этому моменту я перестал удивляться происходящему, это чувство сменил живой интерес к неизведанному. Появилось множество вопросов. Я себя сдерживал, решив дожидаться более подходящего случая и узнать тщательней об этом мире.

Опустившись на остров, мы пошли к видневшемуся впереди величественному зданию. По краям широкой дороги, вымощенной белоснежной мраморной плиткой, была аккуратно выстриженная трава, росли плодовые деревья, а также кипарисы, кедры, платаны, ивы, тополя. Головки нарциссов склонились над чистым как слеза небольшим озерцом, как бы любуясь своим отражением.

Золотистый адонис, звёздные астры, радужный ирис, белые как молоко лилии, то небольшое, что можно передать словами. И в этой красоте мирно сосуществовали гордые олени с ветвистыми рогами, бродившие неподалёку, благородная тигрица со своими тигрятами, мирно резвившимися на солнечной полянке, где-то недалеко протрубил слоненок, потерявший свою маму. Переливы экзотических птиц приятно радовали слух. Погрузившись в свои мысли, я не заметил, как мы дошли до стройного и изящного дворца.

– Это не дворец, Клим, это храм, я тут живу со своим братом, – прочитав мои мысли, ответила Артемида.

– Будь любезна не копаться в моей голове, – осмелев, попросил я. И тут же непроизвольно подумал, если бы когда-нибудь у меня была хоть самая что ни на есть маленькая надежда на то, что моей супругой станет Артемида, не видать мне любовных походов и пьяных драк как своих ушей. Артемида слегка наклонила ко мне голову. Лёгкая улыбка озарила красивое личико, а в её бездонных, голубых как море глазах я увидел озорные огоньки.

– Вот, опять читает, – обречённо подумал я, глубоко вздохнул и продолжил свой путь.

Храм был построен в Коринфском стиле из цельного белоснежного мрамора. В верхней части изящные колонны украшены сложной капителью листьев–акантов. Широкие отполированные до блеска ступени вели к богато украшенной драгоценными камнями, переливающимися всеми цветами радуги пропилеи. Потолки парадного входа были расписаны золотыми звёздами на фоне голубого неба. Храм окружали аркады, что очень гармонично сочеталось с окружающим пейзажем. В центре перистилия находился огромный бассейн с фонтаном в виде трёх обнажённых русалок с вскинутыми к небу руками. По периметру между прекрасными статуями, вырезанными из слоновой кости, располагались цветники. Стены были расписаны мозаикой со сценами из истории Богов Олимпа.

Пройдя это ослепительное великолепие архитектуры, мы очутились в жилых залах. На возвышенности возле широкой арки, открывающий красивый пейзаж на южную сторону Храма, на подушках полулежал, облокотившись на локоть, мускулистый молодой человек. В правой руке у него был золотой кубок, в который ему подливала янтарное вино стройная полуобнажённая девушка. Золотые локоны волос прикрывали его шею и ниспадали на красивые сильные плечи.

– Здравствуй, брат мой, – остановившись, сказала Артемида.

– Здравствуй и ты, сестра моя Артемида, – ответил юноша. – Приглашаю вас присесть и составить со спутником своим мне компанию, – не оборачиваясь, предложил он.

– Артемида, ты не хочешь представить меня нашему гостю?

– Конечно, брат, – склонив покорно голову, ответила Богиня. Мы присели напротив молодого человека.

– Клим, это мой брат Аполлон. – Юноша поднял глаза и слегка кивнул. – А это Клим, Страж с галактики Млечный путь.

– Так вот, кто удостоился из смертных этой чести. Да неисповедимы пути Мироздания, – задумчиво ответил Аполлон. – Вина?

– Не отказался бы, – ответил я.

К нам подошла девушка и подала кубки, налив напиток из кувшина. Вино было терпким на вкус, и приятно обжигало горло. Тело охватила лёгкая слабость.

– Страж, тебя посвятили в дальнейшие планы?

– Частично.

– Сегодня отдыхай, а завтра я представлю тебя на высшем совете, – высокомерно констатировал Аполлон.

ГЛАВА 3 МЕТАМОРФОЗА

Когда тёплые лучи утреннего солнца коснулись меня, я проснулся. Потянувшись, перевернулся на спину, и только сейчас заметил, что лежу абсолютно нагой. Сколько ни пытался вспомнить, как закончился вечер и как я очутился в покоех, так и не смог, сказалоь психологическое перенапряжение. Возле меня на коленях сидела молодая девушка и на вытянутых руках, опустив голову, держала аккуратно сложенные одеяния.

– Вот это сервис! И долго ты так сидишь?

Девушка, не поднимая глаз, ответила:

– Господин, это моя обязанность. Я могу быть вам полезна?

Не стесняясь своей наготы, я поднялся и проследовал в комнату для омовения, девушка последовала за мной. Приняв ванну, я поднялся из тёплого бассейна, и уже было попытался взять одежду, лежавшую рядом, как подбежали служанки. Одна подняла мои руки врозь. Вторая очень ловко обвила вокруг моей талии кусок цветного льна, называемый хитон. Моё тело было обмотано гиматием, один конец цветной ткани, слегка задрапированный и заложенный в складки, спускался с левого плеча на грудь. Оставшуюся ткань девушки расположили на спине и пропустили её под правую руку, оставив её открытой. Уложив ткань красивыми складками, перебросили через левое плечо на спину, закрепив золотой брошью. Затем пришёл некий юноша и ласково, но в то же время твёрдо принудил меня присесть на кресло, чтобы побрить. Подойдя к зеркалу после всех процедур, я был слегка удивлён. Передо мной стоял красивый мужчина, с аккуратно подстриженной бородой, уложенными волосами, в одеждах древней Эллады. Я сильно понравился самому себе, позируя и играя мышцами перед зеркалом. Четверть часа, и я был готов к любым испытаниям судьбы.

Выйдя из своих апартаментов, прошёл к пропилеям, где меня ожидал Аполлон с Артемидой.

– Вот теперь ты похож на Олимпийца! Чуть-чуть поправить твою фигуру, подкорректировать физическую немощность, и ты вылитый Бог, – засмеявшись, сказал Аполлон.

В золотой колеснице, запряжённой четвёркой крылатых пегасов, неслись сквозь облака на высший совет Богов Олимпии златовласый Аполлон, прекрасная богиня Артемида, и я, ваш покорный слуга, будущий Страж Олимпии. Внезапно мы резко спикировали вниз, спускаясь по спирали. Быстро приближалась тёмная поверхность земли. У меня перехватило дыхание, мы всё неслись, не сбавляли скорости, вот-вот

неминуемо столкновение, я закрыл глаза, вцепившись в поручни, так что побелели костяшки рук. Плавный спуск, и мы уже едем по брусчатой дороге. Аполлон улыбался.

– Что, Клим, страшно?

– С чего ты взял? – слегка дрожащим голосом переспросил я. Раздался громкий смех, эхом разнёсшийся по округе.

Мы вошли в огромный открытый Булевтерий, место, где собирался Высший совет Богов. Вдоль колонн и величественных статуй стояли красивые, статные и уверенные в своём могуществе Боги. По центру в высоком золотом троне сидел Зевс Громовержец. Справа от Зевса сидела богиня победы, крылатая Ника, а слева стояла любимая жена, богиня брака Гера. Все были молоды и красивы. Мы проследовали в центр зала, под любопытные взоры окружающих нас Богов. Остановившись в пяти футах от возвышавшегося трона, мои покровители опустили на колени, приложив правую руку к сердцу, я последовал их примеру.

– Здравствуй, Страж!!! – эхом пронеслось по залам.

– Многие тысячи жизненных циклов мы не прибегали к помощи смертных, – как гром среди ясного неба, раздался голос Зевса. – Последним Стражем Олимпии, до твоего появления, был мой названный сын Геракл. Много он свершил во благо Олимпии, готов ли и ты посвятить себя служению Богам? Готов ли ты, если потребуется, пасть в сражении во имя бессмертия имени своего?

– Задолго до твоего рождения Геракл был Стражем, призванным защищать интересы миров. Он, как и все люди, был смертен, но при этом рождён был с предначертанной изначально самим Мирозданием судьбой, как и ты.

– Страж, ты познаешь много доселе неизвестного твоему восприятию мира, научишься всему, что знаем мы, Боги. Страж будет полукровка, полубогом, так как останется смертным и прожить ему суждено две тысячи триста сорок лет по земному исчислению. Но есть одно «НО». Во вселенной просто так ничего не даётся, нужно пожертвовать, чтобы обрести нечто большее. Придётся пойти на жертвы. Ты потеряешь связь со всем, что тебе дорого, что тебе сейчас близко. Готов ли ты к этой жертве?

– Готов! – не раздумывая, ответил я, преклонившись перед Богами.

– Да. Будет. ТАК!!! – Зевс вытянул свою руку с двуручным топором в мою сторону, грянул гром, я увидел яркую изгибающуюся молнию, направляющуюся в мою сторону, и потерял сознание.

Очнувшись, огляделся. Я был в покоях храма Аполлона, надо мной склонилась служанка и обтирала моё лицо каким-то отваром из трав.

– Вы очнулись? Я позову хозяина.

Поднявшись, девушка убежала куда-то. Я опять ушёл в беспамятство. Как позднее рассказывала Артемида, я восстанавливался в течение четырёх дней, приходя в себя на короткое время. Хорошо, что эти моменты не отложились в моей памяти. Через пять дней был уже на ногах. Невероятно, но я ощущал какую-то лёгкость в своём теле и душевное равновесие. Ушли тревоги и усталость всего пережитого мной за время моего убытия с матушки Земли. Я уже не был человеком в полном смысле, внутри чего-то не хватало. Казалось, что опытный хирург провёл успешную, ювелирную операцию по удалению зловредной опухоли. Выйдя на террасу, вскинул руки к небу, и что есть силы закричал:

– Это мой мир, я остаюсь!!!

Позади меня стояла Артемида, сложив руки на груди, и, облокотившись об арку, улыбалась.

ГЛАВА 4 РОЖДЕНИЕ БОГОВ

– Клим,– окликнула меня Артемида.– Пришло время познать тайны и труды Богов, их знание и мудрость, накопленную миллионами жизненных циклов. Это наш дар тебе, за твоё будущее служение Олимпии. Не спеша, размеренным шагом, мы с Артемидой шли по летнему саду, идя к выходу из Храма, и мирно беседовали.

– Артемида, всё пытался тебя спросить, почему Богам с их безграничной властью нужны люди? Вы нас создали, создали наш мир. Вы сильны во всех отношениях.

– Клим, пойми, что боги тоже не безграничны в своих возможностях, мы тоже подчиняемся законам, у Богов существует три основных постулата:

1. Нельзя убить себе подобного, Бог не может убить Бога.
2. Запрещено вмешиваться в уклад и порядки созданных Богами миров. За исключением случаев, когда угрожает непосредственная опасность от них самим Создателям.
3. Богам запрещено создавать других Богов.

Клим, мы вымирающая раса, уже сотни тысяч жизненных циклов мы не можем самовоспроизводиться, порождать себе подобных. Вы называете себя людьми, мы называем себя Богами. Это идентичные понятия. Боги – очень древняя раса, в начале времён нас было очень много. Даже в тот малый отрезок своего существования Боги достигли такого

уровня развития, что могли создавать собственные миры. Дальше больше, создав совершенные тела, с практически безграничными возможностями, учёные превзошли сами себя в познании генетики. Боги обманули смерть. Был изобретён препарат, позволяющий на генетическом уровне изменять ДНК, в итоге мы получили Бессмертие.

Мы не столкнулись с перенаселением, вселенная необычайно огромна, она безгранична, места хватало для всех. Не учли только одного: не все Боги сумели справиться с бессмертием, у препарата оказалось два побочных эффекта. Десяносто процентов нашей расы не имели иммунитета против душевных расстройств, они просто сошли с ума. Представь ситуацию, когда живое существо, обладая безграничными возможностями и огромными знаниями, теряет рассудок. Началась великая война вселенских масштабов. В нашей хронологии она зовётся Битва Титанов. Все изначально созданные миры были полностью уничтожены этой великой войной.

Воевали не только Боги, но и разумные существа, созданные нами. Армию Титанов, они сами себя так назвали, возглавил Кронн, отец Зевса. Остатками Богов, имеющими иммунитет к генетической мутации, помутневшей рассудок многих, руководил Зевс, мы все ему обязаны нашим существованием. Хочу упомянуть такой факт. Семья Титана Океана, неизвестным для науки образом, победила эту заразу, они прозрели и сражались на стороне Богов. Попытки наших учёных открыть противоядие от этого заболевания были тщетны, но в конечном итоге Боги Олимпии выиграли эту войну. К сожалению, и нас не минула участь сия, Олимпийские Боги ощутили на себе последствия такого побочного эффекта, как бесплодие. Это наш бич, наше проклятие, плата за самонадеянность, вседозволенность и тщеславие. В связи с этим Зевсом после великой войны были приняты три постулата, которые не может нарушить не один Бог.

– И нужны эти постулаты вам? – спросил я.

Артемиды улыбнулась.

– Я постараюсь объяснить.

Аксиома первого Постулата – нельзя убить себе подобного, Бог не может убить Бога. Ведь мы бесплодны, нас очень мало. Если повторим великую войну, просто уничтожим свою расу.

Аксиома второго Постулата – запрещено вмешиваться в уклад и порядки созданных Богами миров. За исключением случаев, когда угрожает непосредственная опасность от них самим Создателям. Геката, во имя своего тщеславия, пренебрегла вторым постулатом ради своих низменных целей. Какие последствия за этим могут последовать, ты догадываешься.

– Так уничтожьте её, – с вызовом ответил я.

– К сожалению, мы не можем нарушить первый Постулат. Для этого и нужен Страж. Ты, Клим!!!

Аксиома третьего постулата – Богам запрещено создавать других Богов. Своими действиями по совершенствованию генома мы практически уничтожили свою расу. Создавая себе подобных, не зная конечных результатов своих экспериментов, мы можем создать такое чудовище...

Мы подошли к выходу, где стояла золотая колесница, запряжённая четырьмя пегасами.

– Я познакомлю тебя с твоими преподавателями, – сказала Артемида.

– Мне придётся опять учиться?

– То, чему тебя учили, слишком примитивно, у тебя будет время это обдумать. Твой мозг не готов сразу переварить необходимый объём информации, поэтому ты будешь усваивать и тренироваться поэтапно.

Мы вошли на колесницу и взмыли в голубое небо.

ГЛАВА 5 ТРИВИУМ, КВАДРИВИУМ

Под неусыпным взором своего наставника кентавра Хирона я изучал анатомию и врачевание. Скажу вам честно, предмет мне был скучен, но когда занятия проводил сам учитель, просыпался большой интерес к данной науке. Ежедневно после лекций Хирон отводил меня в свою пещеру, где укладывал на аппарат, похожий на большое голубое разрезанное яйцо. Он тихо вибрировал. Устроившись в нем, я ощущал, лёгкое покалывание на висках. Эта машина называлась «*paciam conditio memorem*», что с латыни переводится как «новая память», она служила для быстрого усвоения материала, загрузки больших объёмов новой информации. Сейчас я могу сказать, что человеческий мозг – это самое совершенное, что было подарено нам Богами.

Кроме занятий медициной, меня обучали такому виду единоборств, как панкратион. Занятия проводили великие воины Меланкомас, Тагенес, Эуридамас. Эти легендарные бойцы тренировали не только силу, ловкость и быстроту, но и умение думать в бою, сопоставлять свои силы со своими возможностями. Как говорил Тагенес: «Умение хорошо драться не залог победы, иногда надо отступить. Нужно уметь различать грань между трусостью и разумным отходом». Гектор преподавал мне тактику ведения боевых действий в различных климатических условиях. Я стал разбираться в военной науке. Приспосабливался автономно жить и выполнять поставленные задачи на недельных уроках

выживания. В ледяной пустыне меня чуть не разорвал белый медведь. Бегают они очень быстро, но я быстрее, в конечном итоге мясо было довольно нежное. А в непроходимых джунглях я целую неделю бегал от племени кровожадных каннибалов, питаюсь личинками пальмового долгоносика. Пока не убил вожака. Большого африканца с обмазанным свиным жиром телом и волосами, запах от него был малоприятный. На шее висели засушенные человеческие головы. Уши и нос были проколоты, в них вставлены пястные кости. Умер он быстро и без мучений, я спрыгнул на него с дерева, резким движением сместил шейные позвонки, взял шею в замок, и завершил начатое, задушив противника. Аборигены хотели сделать меня своим вождём и предложили с ними пообедать поверженным мной же противником. Я человек по натуре небрезгливый, но от такого отказался.

Каждое утро я бегал, взбираясь на гору. Бег как никогда доставлял мне большое удовольствие, в это время я мог побыть наедине со своими мыслями, и думал об Артемиде. Уже в течение четырёх месяцев я изучал премудрости «божественных» наук, а она всё не приходила. Я успокаивал себя, что Артемида просто занята, не только своей любимой охотой, а чем-то большим, что не даёт возможности нам увидеться. Вот она любовь, но взаимна ли? Как всегда после занятий, я отработывал удар «маваши» на вечнозелёном кипарисе, когда появилась она.

– Здравствуй, Клим, ты сильно изменился с нашего последнего свидания, – сказала она.

Я на самом деле изменился, плечи стали шире, выступил чётко отточенный пресс, бицепсы стали правильной формы. Большая круглая мышца делала меня похожего на профессионального атлета. Постоянные тренировки и внутривенное введение препарата «novam vitam» на основе нанобактерий в мой организм сделали своё дело.

Постепенная биоминерализация укрепила мои костные ткани, с помощью всё того же препарата я приобрёл способность к регенерации. Эти искусственно созданные бактерии были паразитами, обладающие «эффектом солярыса». В какую бы враждебную среду не попало бы моё тело, они «питались» или «договаривались» с этой средой, отдавая моему организму нехватку кислорода, холода, тепла. Так что теперь я свободно себя чувствовал как в воде, так и в вакуумном пространстве, не пользуясь при этом дополнительными защитными средствами.

– Здравствуйте, моя Богиня. Всё это время, проведённое без Вас, я сильно страдал, – ответил я.

– Я не ваша богиня. Но это временное явление, – снисходительно добавила Артемида.

Она быстро подошла ко мне, взяла своими руками моё лицо и страстно поцеловала. Ничего не отвечая, я поддался соблазну, обнял её и начал целовать шею, плечи... Ночь была сказочной. Ночь, проведённая с моей любимой, предел моих жизненных мечтаний. Наши тела слились в едином порыве страсти. Теперь я знаю, она любит! Любит! И это согревало мою душу.

Проснувшись утром, я обнаружил, что Артемиды нет рядом. Быстро собравшись, пошёл к чистому горному водопаду, прыгнув с разбегу, погрузился в холодные воды Аранеи, тело пронзили тысячи маленьких иголок, перехватило дыхание. Всплыв, я брассом поплыл к другому берегу озера. Это самая короткая дорога к пещере Хирона.

– Доброе утро, учитель, я не опоздал? – улыбнувшись, спросил я.

– Для кого оно доброе, а для кого нет, – раздражённо ответил Хирон.

– Я чем-то вас огорчил, учитель?

– Негоже смертному, даже Стражу, встречаться с Богом. Я думаю, ты понимаешь, о чём я.

– Но учитель, я люблю её! Я не могу без неё жить! Я готов отдать последнюю каплю крови, только бы Артемида была со мной.

– Совет Богов не одобрит это, – качая головой, ответил Хирон. Не пожалей о том, что ты связал свою жизнь с Артемидой. Ладно, забудем об этом. Сейчас соберётся учёный совет, на котором мы определимся по твоему окончанию обучения.

В полдень на совете собрались все мои наставники, обучавшие меня в течение четырёх месяцев различным научным дисциплинам, военному делу и многому другому, чего я не упомянул. Это заняло бы слишком долгое время. Стоя в центре круглого зала, я смотрел на своих учителей, в помещении была полная тишина.

– Уважаемые Преподаватели!!! – громкое эхо прокатилось по залу.

– Сегодня мы должны дать оценку не только вашему ученику, но и каждому из вас. Согласно установленным правилам, нам необходимо проголосовать, чтобы допустить Стража к последнему в нашей гимназии экзамену. Как вы думаете, готов ли наш ученик к квалификационному испытанию?

Из неосвящённой возвышенности, откуда доносился голос, вышел не кто иной, как сам Зевс. Преподаватели встали.

– Уважаемый Громовержец! – склонив голову, ответил Хирон. – До Вашего появления мы успели обсудить с преподавателями данный вопрос и пришли к единому мнению. Он готов, Страж овладел всеми науками и дисциплинами. Слово за Вами.

– Да будет так! – Зевс плавно спустился с возвышенности и подошёл ко мне. – Ты отправишься в одну из спиральных галактик, на плане-

ту Миран. Тебе необходимо помочь населению, которое там проживает, избавиться от порабитителя Тагоса, стигийского пса, присланного Гекатой в мир Мирана для создания своей империи и восстановления Великого Хаоса. Это будет трудное задание, но оно покажет, готов ли ты сразиться с Гекатой за мир Примокентуса и восстановить равновесие.

ГЛАВА 6 МИР НУБАРА

Добраться до Мирана при минимальной затрате времени с технологиями Богов не составляло особого труда. Передо мной стоял только один выбор. Убыть с Олимпии на звездолёте или пройти по соединённой вневременной межгалактической системе «ntergalactic ostium» через один-два «проходных» мира. В первом случае я не горел особым желанием лететь. Дело не в том, что я боюсь космического вакуума или не до конца освоил лекции по устройству аннигиляционного двигателя и межгалактических перелётов. Время было ограничено, а жажда острых ощущений и новых открытий меня не покидала. Поэтому я решил достигнуть Мирана вторым способом, а за одним посмотреть вживую на другие миры своими глазами, а не из лекций преподавателей.

На сборы мне дали сутки. Одним из условий выполнения моей миссии было то, что я не имел никакого представления о мирах, которые должен пройти, кроме координат расположения порталов перехода. Амуниция для выполнения миссии была собрана по минимуму, и через четверть часа все приготовления были закончены. Чтобы скоротать время, вышел прогуляться в сад, думая о ночи, проведённой с Артемидой. Придёт ли она ко мне попрощаться, пожелать удачи? Из кустов ко мне незаметно вышел Хирон.

– Клим, о чём задумался? – От неожиданности я вздрогнул. Хирон улыбнулся. – Не ослабляй бдительность, ты всегда должен быть начеку. Ладно, я не об этом. Завтра ты приступаешь к своему первому самостоятельному заданию.

– Я знаю, учитель.

– Если мягко сказать, не совсем самостоятельному, ты отправишься не один.

– В смысле?

– В смысле с тобой пойдёт Артемида.

– Учитель, она не должна, это слишком опасно.

– Нетеберешать, будь любезен подчиняться, и безсамодеятельности. Так решил Совет. Говоря между нами, – хитро прищурившись, сказал

Хирон, – Артемида сама напросилась и выдвинула свою кандидатуру.

– Но почему?

– Клим, как же ты глуп, догадаться легко, если знаешь о ваших отношениях.

Моё сердце ушачённо забилось.

Вечером, когда на небосводе засияли звёзды, я разжёл костёр, наслаждаясь прекрасным сказочным видом ночного Олимпа. Где то внизу, раскинувшись на побережье, мерцали огни большого города. Ко мне подошла Артемида.

– Зачем ты вызвалась пойти со мной? – спросил я. – Это опасное мероприятие, и негоже молодой девушке так рисковать.

Артемида улыбнулась.

– Глупенький, опасно оно в большей степени для тебя, а я не хочу потерять то, что искала тысячелетиями, – она жадно меня поцеловала.

Как только лучи утреннего солнца озарили горизонт, мы были готовы и стояли возле портала. Нас провожал Хирон. Портал гулко вибрировал. Арка, сделанная из нейтрония, была испещрена рунами и светилась изнутри бледно-голубым светом. Взявшись за руки, мы с Артемидой сделали шаг вперёд. Уже привычная за время моего обучения лёгкость охватила всё тело, перед глазами замелькали необычные галактики, звёздные системы с непередаваемыми цветными гаммами. На доли секунды нас ослепил невыносимый яркий свет, и вот мы уже стоим позади портала.

– Это мир Нубара, – констатировала Артемида.

Оглядевшись по сторонам, и определив своё местонахождение, мы направились на север к очередным вратам. Красочный мир открылся нашему взору, несмотря на позднее время. Небо цвета аквамарина, ярко бирюзовые облака. Три спутника на горизонте величественно сопровождали планету, освещая местность.

Трава тёмно-пурпурной расцветки сплошным ковром покрывала поверхность, огибая неглубокие кратеры с серебристо-серым грунтом. Впереди тёмной полосой виднелось очертание леса. Не прошли мы и полторы тысячи ярдов, как в небе с лёгким нераздражающим слух гулом появились странные летательные аппараты, осветившие поверхность. Из громкоговорителей на санскритском наречии призывали остановиться и подчиниться требованиям местных властей.

С летательных аппаратов плавно спускались, используя реактивные ранцы, гуманоиды в камуфляжах чёрного цвета. Мы остановились и подняли руки вверх. Девять существ, окружившие нас, были ростом более семи футов. Их лица скрывали обтекающие черные шлемы с широким

зеркальным забралом. Они имели четыре руки, каждая из которых была направлена в нашу сторону и держала необычное воронёное оружие.

– Вам необходимо проследовать за нами, – сказал отличавшийся от собратьев более крепким телосложением гуманоид, войдя в круг окруживших нас.

Вот и командир себя обозначил, подумал я. Быстро оценив обстановку и рассчитав возможные действия нападавших, выкрикнул:

– Артемида, ложись!

Сделал резкий выпад правой рукой в сторону предводителя, ладонью угодив ему в солнечное сплетение. От неожиданности соперник не успел сгруппироваться и отлетел фута на три. Началась бесцельная стрельба, краем глаза я заметил, что заряд, угодивший в бойца, не убил его, а «охватил» тело, электрической сеткой парализовав нападавшего. Пока мои расчёты совпадали с действиями, гуманоиды конвульсивно бились в судорогах от электрических разрядов.

Двое оставшихся на ногах воина пытались поразить меня, ведя огонь одновременно из восьми стволов. Кое-как увернувшись, я подбежал к первому и броском через бедро опрокинул наземь, добив коротким ударом в незащищённый кадык. Резко выхватив оружие у поверженного противника, я нацелил его на оставшегося соперника. Ни спускового механизма, ни кнопок, у этой модификации не оказалось. Я инстинктивно сделал кувырок вперёд и метнул нейтрализатор прямо в забрало бойца, тот грузно осел.

– Артемида, бежим, – выкрикнул я, грубо схватив её за руку. До леса оставалось всего пятьдесят ярдов. В спину ударил какой-то предмет, сбивший меня с ног, я увлёк за собой Артемиду, по инерции пробороздив лицом землю. Тело пронзил электрический разряд, вызывая рефлекторные судороги, я не мог пошевелиться.

– Поиграли и ладно, – подходя к моему извивающемуся телу, констатировал гуманоид. Бросив по центру между мной и Артемидой небольшой дискообразный предмет, он произвёл манипуляции на одной из своих рук. Судороги отпустили, но шевелить конечностями я по-прежнему не мог, силовое поле, подумал я. Повернув голову, увидел Артемиду, находившуюся в таком же беспомощном состоянии, как и я. Во мне закипала злость.

– Куда собрались-то, родненькие вы мои? – с ноткой сарказма спросил гуманоид.

– А для чего мы в сторону леса бежали, болван? – со злостью парировал я.

– Леса, говоришь, – ответил пленитель, попутно одевая на свои паль-

цы необычные металлические кольца. С пластикой дирижёра гуманоид поднял две руки вверх и кистями сделал круговые движения. Наши тела поднялись как тряпичные куклы и повернулись на девяносто градусов, лицами к лесу.

– Периметр, – прогремело за нашей спиной.

В одно мгновение кромка леса осветилась иллюминацией, сквозь ослепительный свет виднелись тёмные расплывчатые силуэты. Моя злость сменилась досадой, безвыходностью, и осознанием личной глупости и непредусмотрительности. Никогда в своей жизни я не чувствовал себя марионеткой, тем более в такой совокупности, как в прямом, так и переносном смысле.

– Кл..., Клим, – как–то слабо, вошёл в моё сознание голос Артемиды.

– Кли.. Клим. – Я повернул голову в её сторону.

– Сложно, оче... сложно пробиться сильн... барьер. Крепись всё буд... хор...

Вертикально спустились два воздушных судна, и зависли в нескольких дюймах над землёй. Мы, под руководством «дирижёра», плавно полетели к фюзеляжу в открытый задний борт. Когда мы оказались в фюзеляже аппарата, нас аккуратно усадили, напротив присел всё тот же неизменный спутник. Надев энергетические кандалы, он отключил силовое поле, удерживающее всё это время нас в состоянии «амёб».

ГЛАВА 7 МИСТЕРИЯ

Конвоир снял шлем. То, что я увидел, повергло меня в истерический смех, передо мной сидела обезьяна, четырёхрукая обезьяна.

– Меня пленила обезьяна, – я опять закатился в смехе.

– Тео, – представился командир, не обращая на меня внимания.

– Артемида.

– Родственничек, – сказал Тео, щёлкая возле лица пальцами для привлечения моего внимания. – Похоже, в твоём мире нужно перефразировать «ты недалеко ушёл от обезьяны». Ты говорить-то можешь, дефективный?

После этих слов меня как водой окатило, я успокоился. Артемида смотрела на меня непонимающим взглядом, как на душевнобольного.

– Клим, – ответил я.

Тео широко улыбнулся, обнажив большие белые клыки, хотя улыбкой назвать это можно с натяжкой, скорее оскалился.

– Вот и хорошо, познакомились, – сказала Артемида. – Уважае-

мый Тео, какой дальнейший план ваших действий по отношению к нам, если не секрет?

– Абсолютно никакого секрета, наш виман возьмёт курс на Халдею, это наша столица, где я сопровожу вас в Консилиум, Верховный магистр определит вашу дальнейшую судьбу, – ответил Тео.

Не выдержав, я вмешался в диалог.

– Интересно, как вы узнали о нас и подготовились к нашему прибытию?

– В нашей звёздной системе всего два портала, и оба они находятся на Нубаре. Испокон веков переходами пользовались Боги, которые и создали расу Нубарианцев. Наша цивилизация достигла высокого технологического прогресса, но до сих пор мы не владеем технологиями, позволяющие создавать переходы. Редко, но тем не менее бывает, что система даёт сбой, и в наш мир проникают различные существа с других измерений и вселенных. Не всегда с дружественными намерениями, что нарушает планетарную безопасность. Поэтому возле порталов всегда находятся подразделения, готовые в любую секунду среагировать и нейтрализовать «непрошенных» гостей.

Через широкий иллюминатор вимана я наблюдал за появившимся городом. Вокруг, сверкая фарами, вереницей пронеслись воздушные суда. Архитектура города была необычна, все сооружения напоминали деревья, площадки для воздушного транспорта имели форму листьев. И если бы не неоновый свет, который присутствует в любом ночном мегаполисе техногенной цивилизации, я бы и не понял, что это город, а принял бы его за обычный лес. Мы приземлились на одну из многочисленных площадок, в центре Халдеи.

На площадке создав, живой коридор, стояли солдаты в белой униформе, мы проследовали за Тео в образовавшийся проём. Пройдя по коридору, вышли в широкий круглый зал. Стены и помещения светили ровным белым светом. В центре зала спиной к нам стоял сухощавый нубариец, держа свои руки за спиной.

– Доброй ночи, уважаемая Богиня. – Нубарианец повернулся. – Простите за нашу негостеприимность, вы понимаете, что от наших действий зависит безопасность Нубары.

Он опустился на колени. Тео, стоя позади нас, повторил тоже действие.

Артемида подошла к Верховному магистру, прижала его к себе и начала гладить по густой шевелюре.

– Здравствуй, мой маленький Даро. – По морщинистому лицу магистра скатилась слеза.

– Я давно уже не маленький Даро, с которым вы играли многие деся-

тилетия назад, а глубокий старик, проживший долгую жизнь и мечтавший снова увидеть нашего доброго Создателя.

– Для меня ты всегда останешься маленьким непоседой и шалуном, дергающий за подол платья свою Богиню. Встань.

Магистр поднялся, утёр слезу, и принял свой обычный твёрдый вид, подобающий его высокому статусу правителя.

– Нубарианцы всегда соблюдали наставления Богов и жили по ним. Всё это время мы выполняем Ваше распоряжение по защите Мираны, но в последнее время на планете становится жарковато. Наши корабли пять раз отбивали атаки космического флота посланного Гекатой. Я не говорю о многочисленных вылазках шпионов, как мы выяснили, пытавшихся передать передовые технологии по созданию оружия массового поражения. Вы знаете, население этого мира примитивно и не готово к этим знаниям.

– Я знаю, Даро, – ответила Артемида. – Тем не менее, Миран очень дорог Зевсу. Зная это, Геката направила туда своего стигийского пса. Мы должны защитить этот мир.

– Даро, это Клим, Страж Олимпа, – представила меня Артемида.

Магистр как-то странно на меня посмотрел и протянул мне свою руку.

– Вам несказанно повезло, Клим, – добродушно сказал магистр.

– Я знаю, спасибо.

Мимолётно пролетела мысль: «Почему они так странно и с удивлением на меня смотрят?», но я её тут же откинула.

– С вашего позволения, – обратился ко мне Даро, приложив руки к груди и слегка наклонился. – Тео, проведи нашего гостя в его апартаменты, а нам с Богиней нужно обсудить кое-какие вопросы, касающиеся Мираны. Чувствуйте себя как дома.

– Тео, как устроен ваш мир? – спросил я, идя по пустынному коридору.

– Так же, как и все, земля, вода, воздух, – сухо ответил он.

– Я не об этом. У вас есть национальности, государства?

– А, вот ты о чём. Нет, Клим, это примитивная структура построения мирового порядка, и, как правило, временная. Нубара была разделена много жизненных циклов назад границами, но по наставлению наших создателей мы отказались от этого, границы – это своеобразный застой в любом направлении жизнедеятельности. Только всемировая глобализация и объединение народов может дать резкий толчок в развитии и привести к всеобщей гармонии.

– Как вы этого добились? Ведь были государства, различные правительствa, которые действовали в своих интересах.

– В отличие от твоего мира, в котором до сих пор существуют

множество государств, наш устроен по-иному.

– Вы знаете мой мир? – прищурившись, спросил я.

«Так вот почему он называл меня родственничком, когда мы летели в вимане. А санскритский диалект, земные афоризмы? Индусы в Британской колонии, они же поклоняются многоруким обезьянам. Нет, они точно, точно были на Земле...».

– Всею своё время, Клим, я вообще-то отвечал на твой вопрос, – не дав закончить мысль, сказал Тео.

– Извини.

– Так вот. Нас часто посещали боги, и это обыденность, они подавали нам знания миропорядка, которые на твоей планете называют идеологией. Нубарианцы называют её провидализм – это взвешенный подход к достижению блага личности и общества в целом, с учётом менталитета, географического положения, внешних и внутренних факторов, влияющих на народ или народность для достижения конечной общей цели. Основные принципы таковы:

– Власть во благо общества и Общество во благо Государства!

– Стремление к достижению единой цели, не забывая при этом и о личном благе каждого индивидуума.

– Личность и общество в целом без классовых и межнациональных предрассудков.

– Провидализм должен быть осмыслен и добровольно принят каждым, не должен носить навязываемый характер, и должен быть поощряем. Другими словами, этакий равноправный симбиоз властных структур и общества. В короткий промежуток времени границы ушли в историю, сами собой. Соответственно, были упразднены многие бюрократические аппараты. Создан институт магистрата, воплощающий в жизнь все законопроекты, обеспечивающие стабильность и поступательное развитие нашего вида. Магистрат состоит из Совета десяти, в котором главенствует Великий магистр. Нубарианцы один вид, Клим, какая разница, какого цвета у тебя шерсть.

Я с грустью улыбнулся, вспомнив матушку Землю и людей с нашим милитаризмом, расовой дискриминацией, развитой бюрократической системой.

– Тео, ты бы не мог показать мне город?

– Конечно, почему бы не показать.

Мы спустились по пневмоническому лифту и вышли на улицу. Но познакомиться с достопримечательностями этого мира мне, к сожалению, не удалось. Неожиданно по громкой связи прозвучало:

– Командиру пятого легиона...

ГЛАВА 8 ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

– Командиру пятого легиона. Командиру пятого легиона. Портал два. Портал два. Оранжевый уровень угрозы. Оранжевый уровень угрозы. Срочно прибыть к порталу.

– Принял, буду через двадцать минут, – ответил Тео. – Извини, Клим, на северном портале оранжевый уровень опасности, необходимо личное присутствие, там мои подчинённые. Несанкционированное проникновение, видимо, серьёзные твари. Ты дорогу обратно запомнил?

Понимая, что ничего я не запомнил, Тео, явно в спешке, махнул рукой и продолжил:

– Поднимись по лифту на триста пятнадцатый уровень, тебя будут там ждать.

– Тео, я могу полететь с тобой? Абсолютно не устал, да и спать не хочется.

– Нет, это войсковая операция Клим, тем более ты высокий гость, я не могу взять на себя ответственность по сохранению твоей жизни и обеспечению безопасности при такой расстановке. Мне осталось четыре года до покоя. Дай мне нормально уйти на него, Клим.

– Тео, перестань, я не подведу, ну давай родственничек, встань, страх преодолей. Командир пятого легиона подошёл ко мне вплотную и начал сжимать руки в кулаки вокруг моей головы, будто хотел её раздавить, он явно нервничал.

– Запомни, Клим, я никогда ничего не боялся, поэтому до сего момента я всего лишь командир легиона, а не командующий флотом или армией. Я слишком независим в своих решениях, а это идёт вразрез с приказами старших начальников, у нас разные взгляды на проведение той или иной миссии. Меня терпят только потому, что я не потерял за время операций ни одного нубарианца.

Я смотрел на него с отсутствующим выражением.

– Ладно, полетели, – отмахнулся он, поняв, что объяснять мне что-либо бесполезно.

Виман опустился возле выхода из Консилиума, мы быстро в него забрались. Тео нажал светящуюся кнопку, вверх поднялась дверца, открывая шкаф набитый всевозможным, странным, но в то же время очень эстетичным вооружением.

Он не спеша начал экипироваться, приторачивая к своему камуфляжу различные элементы, эту процедуру он завершил, надев всё тот же защитный чёрный шлем.

– Тео, может и мне чего-нибудь перепадёт из твоего арсенала? – спросил я осторожно.

– Я тебя взял?

– Взял.

– Так сиди и не высовывайся. Понял?

– Понял, понял.

Мы подлетали к северному порталу, я слышал, как раздаётся электрический треск и эхо взрывов, явно не природного происхождения. Посмотрев в иллюминатор, увидел внизу вспышки, указывающие на интенсивность огня. Вокруг поля битвы кружили виманы, освещая и поддерживая плотной огневой завесой военнослужащих пятого легиона. Бесформенная бледная масса то наступала, то откатывалась под напором бойцов Тео.

Автоматически открылся шлюз.

– Увидимся, Клим, – сказал Тео и прыгнул во тьму.

От бездействия я начал ходить из стороны в сторону, считая шаги, раз, два, три, четыре, и обратно. Не выдержав, подошёл к открытому арсеналу. Какое многообразие всевозможного оружия, отдельные прототипы я даже не знал. Все высокотехнологические образцы были индивидуальны. К моему глубокому сожалению, активация в боевой режим проходила только при наличии считанной ДНК нубарианца. Для меня оно оказалось бесполезно. Пришлось взять старое проверенное, из всего разнообразия это оказались только чакрам и катар. Надев на обе руки катары и приторочив к поясу чакрам, взял реактивный ранец и, не раздумывая, выпрыгнул в зияющую пустоту. Плавно опустившись, я увидел ужасающую картину, вокруг лежали истерзанные тела легионеров, вперемешку с гуманоидами, кожа которых выглядела как созревший гнойник бледно-дымчатого цвета. Их морды напоминали земного идиаканта, множество длинных зубов беспорядочно выступали из широкой пасти, раненые твари издавали шипящие звуки. Красные рыбы глаза источали жуткую ненависть, и казалось, прожигали тебя насквозь. Грязь, перемешанная с кровью, стоны.

– Тео, где Тео, где командир? – спрашивал я у раненых.

– На передовом рубеже, – еле слышно ответил мне один из бойцов.

– Помощь уже идёт, братишки, потерпите, – ответил я, увидев санитаров, спящих по полю битвы и транспортировавших легионеров в спускавшиеся виманы.

Я побежал на передовую, с которой доносился шум боя, вспышки разрядов, рык и крики обороняющихся и наступавших. Добежав до передовой и поднявшись на возвышенность, увидел поле боя. Равнина

была заполнена трупами белесых тварей, отдельные островки легионеров из последних сил держали оборону, их мужество и героизм могли не восхищать только бездушных созданий. В моей голове всплыл образ, как множество шевелящихся тошнотворной массой опарышей, пожирая, рвут живую плоть. Увидев крепкого легионера, отбивающегося в одиночку от созданий ада, я узнал в нём Тео.

С разбегу вбежав в самую гущу злобных тварей, начал рубить и кромсать тела плотным кольцом окруживших меня. Внутренности выпадали наружу, противный рыбный запах витал по равнине.

– Тео, я уже близко, – пробиваясь сквозь плотную массу, крикнул я.

– Какого Титана ты тут делаешь? – крикнул в ответ Тео. – Не видать мне покоя как своих ушей, за что, о Боги, мне это наказание? Дайте мне погибнуть, как подобает истинному воину Нубара.

Защитный костюм Тео был изодран в клочья, сквозь него выступала шерсть и кровь, было видно, что его покидают силы, с каждым ударом и выстрелом он слабел.

Наконец я смог добиться до него, впереди футов в десяти вибрировал портал, из которого выходили плотной массой упыри.

– Тео, мы должны отключить портал или нам не поздоровится.

– Как ты это сделаешь? – прорычал он.

– Нам нужно до него добраться, у меня есть ключ, мы должны его активировать и перейти в другое измерение или мир. Ключ запрограммирован на автоматическую блокировку входа, но мы должны выйти, если, конечно, сможем.

– Выйти куда?

– А откуда мне знать, – ответил я, не переставая отбиваться от этих «чёртовых зубастиков».

– Помощь придёт только через четверть часа, но нас в живых уже не будет, – констатировал Тео.

Мы стояли спина к спине, я возле портала одной рукой защищался от потока тварей, другой пытался вставить ключ, наконец мне это удалось. Портал замер, поток тварей прекратился.

– Получилось, Тео, получилось.

Я повернулся, чтобы увидеть Тео. Внезапно одна из тварей вцепилась мне в горло и разорвала аорту. Для меня время остановилось, всё было похоже на замедленное кино. С яростью бешеного быка схватил за горло это нечеловеческое создание, в исступлении начал резать и кромсать его протухшее рыбе тело.

Я чувствовал, как моя тёплая кровь толчками бьёт из разодранной раны. Внезапно мне стало хорошо и легко, шум боя ушёл, кто-то царапал

мне спину, но я не чувствовал боли. Последнее, что я помню – голос Тео.
– Командир пятого легиона. Вызываю огонь на себя. Вы...ва... огонь на себя... Прощайте друзья, позаботьтесь о моей семье. За Нубару!

ГЛАВА 9 ГОРЬКАЯ ПРАВДА ЛУЧШЕ СЛАДКОЙ РЕДЬКИ

Мысли, вялые, но мысли, я мыслю, не чувствую, но мыслю, значит я жив. Тишина... Так, без паники, держи себя в руках. Какие руки, Клим, ты идиот, где они, где мои руки, я их не чувствую, а ноги, где? Вырваться, вырваться на свет, давай, ты можешь, Клим, давай, давай!!!

Я открыл глаза, нестерпимо яркий свет тут же заставил меня зажмуриться.

– Клим, ты очнулся, Клим, – слабо донеслось до моего сознания.

– Артемида, это ты? Я знаю, это ты, – пересохшими губами сказал я, осторожно открывая глаза.

Все расплывалось перед моим взором, надо мной нависло темное пятно, я постепенно начал ощущать своё тело.

– Артемида, любовь моя, как я счастлив, что ты со мной. – Я поднял руки вверх и начал гладить её по лицу, волосам. Возвращалось осязание, под ладонями я ощутил жёсткую щетину, резко вернулось зрение, расплывчатый образ обрёл чёткость и принял очертание Тео. Нависнув надо мной, лицо Тео расплылось в широкой улыбке, обнажив большие белые клыки, я резко убрал руки.

– Тео, ты извращенец, – закашлявшись, сказал я.

Сделав миловидную мордашку с просящим взглядом, что выглядело абсолютно комично, Тео ответил:

– Клим, почеси, пожалуйста, за ушком, так приятно, мне мама в детстве перед сном всегда так делала.

– Иди ты, ненормальный. Сколько я был без сознания?

– Не долго, всего сутки, причём с такой раной, я думал, вообще не подымешься.

– Что случилось, где мы? Последнее, что помню: отключил портал, и темнота.

– Отбиваясь, стоял за тобой, но твари отрезали нас друг от друга, пару секунд и я потерял тебя из виду, пришлось обратно пробиваться к portalу. Ты лежал, истекая кровью, на тебе рвали спину эти эдиаканты. Я понял, что всё, нам конец, отбил тебя от этих вырожденков, и вызвал огонь на себя. Внезапно загудел портал, открылись врата, взяв тебя под мышку, я прыгнул в переход. Пару тварей успели прыгнуть за нами, портал закрылся.

– Что дальше?

– Да всё как обычно, тварей я убил. Но они успели меня «пометить», – уточнил я.

Тео поднял свои руки, на нижней левой руке отсутствовала кисть, обрубок был перебинтован кровавой тряпкой.

– Извини, Тео, я хотел тебе помочь, а в итоге чуть не погиб и стал тебе обузой.

– Нет, Клим, ты помог моему миру, неизвестно как бы всё закончилось, если бы ты не закрыл портал.

Я приподнялся и огляделся по сторонам. Мы находились под небольшим природным каменным навесом, стены были влажны от конденсата, дул свежий ветерок. Тео помог мне присесть и облокотил меня о стену, теперь я полностью владел своим телом и мог пошевелить ногами, руками.

– В каком мы мире, на какой планете Тео?

– На Миране.

– Как мы сюда попали? Я должен был пройти ещё один мир, ну почему боги никогда не говорят конкретики?

– Видимо, потому что не хотят навязывать своё мировоззрение, а дают возможность сделать выбор самостоятельно, указывая только абстрактное направление, – ответил он. – Что будем делать?

– Ну, для начала оглядимся, а там посмотрим. Нужно найти Тагоса и уничтожить его, коль нам повезло оказаться сразу на Миране. Я самостоятельно поднялся на ноги, ощупал свою шею, но не почувствовал никаких шрамов или дефектов от полученной раны. Всё затянулось, не осталось и следа. Мы шли по болотисто-лесистой местности, деревья и растения напоминали средневропейский ландшафт. Вдруг я услышал звонок, похожий на велосипедный, поднял руку вверх, показывая Тео, что он должен остановиться. Звонок повторился, я махнул рукой, и мы пошли на услышанный мной звук. Неожиданно мы вышли на сельскую дорогу, я показал Тео, что мы должны спрятаться в лесу. Тридцать минут ожидания, и из-за поворота выехали два велосипедиста. Они подъехали поближе, и я увидел, что это люди, женщина и мальчик, они разговаривали на французском. Недоумённо посмотрев на Тео, подав знак остаться на месте, вышел на дорогу.

– Bonjour.

Велосипедисты остановились, но держались настороже.

– Bonjour, – ответила молодая девушка.

– Извините, я заблудился, где я сейчас нахожусь? – Мой потрёпанный вид озаботил бы любого здравомыслящего человека.

– Как где, в километре находится наша деревня Живерни.

– Девушка, я просто был на охоте и на меня напал медведь, я убежал, побросав всё снаряжение, уже несколько дней плутаю, потерялся во времени, не скажете, какое число?

– Но в наших местах нет медведей, – сказала недоумённо она.

– Девушка я так испугался, может, не медведь, я не знаю, ну что-то большое.

– У страха глаза велики, – расслабившись, сказала девушка и засмеялась.

– Да, да, то-то и оно.

– Вам нужна помощь, может, вызвать жандармерию? – спросил мальчик.

– Нет спасибо, я с Пуаси, тут недалеко.

Прощавшись, они поехали в Живерни. Уезжая, мальчик прокричал: «Двадцать третье сентября сорок пятого!». Я задумчиво пошёл обратно в лес. Подойдя к Тео, взял его за грудки и начал трясти.

– Какого чёрта, Тео, какого чёрта! Мы на Земле, какой Миран! Ты всё это время знал, знал, что Миран это Земля. Почему ты мне ничего не сказал, почему? Тео стоял спокойно, давая мне выплеснуть всю негативную энергию. Я отпустил его, схватив руками голову, сел на мох, застонал. Он присел рядом, обнял за плечи.

– Клим, успокойся, пойми, твой вид считают, как бы это сказать, немного туговатым в развитии что ли. Твоей расе уже тринадцать миллионов жизненных циклов, вы стары как мироздание. Вы первые, кого создал Зевс, но до сих пор миранцы сами не продвинулись ни на йоту в познании мироздания. Всё, что, как вам кажется, вы придумали самостоятельно, было послано нами тем или иным способом. Таблица Менделеева, закон притяжения Ньютона, и многое другое, кардинально изменившее ваш жизненный уклад. Кому-то из учёных это снилось, кто-то слышал, или видел появляющиеся образы, кто-то видел вещие сны. Мы хранители этого мира. Сначала были атланты, позже появились нубарианцы, сменив атлантов на Миране. Мы холим и лелеем ваш мир, защищаем от других более развитых цивилизаций. Иногда всё-таки кто-то прорывается через наш кордон, тогда вы видите необычные летательные аппараты, начинают пропадать миранцы. Не зная природы этих явлений, миранцы называют всё своими, понятными только в их временном отрезке словами, так рождаются легенды и мифы.

– Мы убоги? – спросил я.

– Вы уникальны, Клим. Во вселенной нет более древних созданий, созданных Богами, чем миранцы. Ты спрашиваешь, почему тебе не

было сказано, что Миран твоя планета. Вы слишком меркантильны, агрессивны, непредсказуемы. Удивительно, как в вас всё уживается?

– Сколько лет твоему виду? – спросил я.

– Один миллион жизненных циклов, Клим. Запомни, Клим, ты Страж Олимпии, это не просто звёздная система Богов, это нечто большее, чем ты можешь себе представить, это Вселенная.

– Да, теперь, наконец – то всё стало на свои места. Вот почему на меня все удивлённо смотрели, говорили, что эта честь для меня быть Стражем. Просто всех удивляло, как такой абориген-недоучка с Мираны может им стать. Но Артемида, почему она так поступила со мной, почему ничего не объяснила?

– А тебе не приходила мысль, что это часть твоего задания, твоего экзамена на «зрелость»?

Мне стало намного легче. Как я сам не догадался, всё равно я не абориген, ответил я себе сам, улыбка расплылась на моём лице.

– Нужно действовать. Прежде всего узнать, что случилось в мире за восемь лет моего отсутствия. Найти деньги, а дальше посмотрим. Тео, оставайся здесь, я в Париж, через два дня я за тобой приеду, обустроишься?

– Обижаешь, Клим, – оскалившись, ответил он.

ГЛАВА 10 ПАРИЖ, ПАРИЖ

Дойдя до Живерни, мне пришлось украсть одежду, сушившуюся на бечёвках, в одном из домов деревни, люди там жили явно небогатые. Было стыдно за своё деяние, но я себя успокаивал, придумывая множество причин, оправдывающих мой поступок, – отсутствие денег, важность миссии... После умственных манипуляций моя совесть «уснула». До Парижа я добирался то с крестьянами, перевозившими свой скраб на повозках, то на машинах, проезжающих мимо. К вечеру был на месте.

Париж, как и всегда, был великолепен, ничто не может испортить этот город, ни война, ни время. Я спросил у прохожего, как быстро добраться до станции метро «Бой», он мне объяснил, добавив, что с девятнадцатого августа её переименовали в Колонель-Фабьен, в честь легендарного командира французского движения Сопротивления. Необходимо было дойти до штаб-квартиры газеты «Юманите», что находилась неподалёку. Я хотел ознакомиться с переменами, произошедшими за время моего отсутствия, узнать политическую обстановку, расстановки сил мировых держав, чтобы составить план дальнейших действий. Было уже за полночь, когда я добрался до редакции, разбив

стекло, залез в помещение и на втором этаже отыскал архив издания. Достав стопки газет, начал изучать хронологию событий. Двенадцатое марта тридцать восьмого, германские войска вступают в Австрию, тринадцатого марта в результате аншлюса она входит в состав Рейха. Десятое октября тридцать восьмого, оккупация Судетской области и её присоединение к Рейху. Тринадцатого марта тридцать девятого, германские войска вступают в Прагу и оккупируют оставшуюся часть бывшей Чехословакии. Первое сентября тридцать девятого, вторжение в Польшу. Двадцать восьмого сентября тридцать девятого, входят в Варшаву. Двадцать второго апреля сорокового, вермахтом оккупирована южная Норвегия.

– Как такое возможно? Как вы допустили? – в бессильной злобе сжимая кулаки, стиснув зубы, сказал я.

Дальше Люксембург, Нидерланды, Бельгия, Франция, Югославия. Заголовки газет мелькали перед глазами, Освенцим, Бухенвальд, тысячи истощённых людей смотрели на меня с пожелтевших страниц. Я никогда не забуду эти глаза измученных мужчин и женщин, детей и стариков, это боль, безысходность, обречённость, безразличие к жизни. Трупы, трупы, вещи невинно убиенных в газовых камерах, их волосы, кожа, зубы, всё педантично рассортировано в ящики.

«Откуда ты взял слово «педантично», Клим? Как это зверство можно вообще назвать педантичностью? Как, Клим?» – спрашивал я себя.

У меня раскалывалась голова, а страницы всё менялись и менялись. Разрушенные города, замершие младенцы, прижатые к груди рыдающих матерей, всё проносилось как в немом кино. Я видел многое, но то, что увидел сейчас, не укладывалось в моём сознании, это не мог сделать человек. Я спокойно встал, вытер пот со лба, глубоко вздохнул. Я ненавидел людей, ненавидел до рези в животе.

«Как мы можем быть уникальны, Тео, как? Зачем нам спасать этот мир? Он обречён, Тео, он сам себя уничтожит. Нет, люди не извращенцы, мы хуже, мы садисты», – подумал я и третий раз за свою жизнь заплакал. Это не была слабость, это были слёзы горести, злобы и жалости к роду человеческому.

Мои невесёлые мысли прервал луч электрического фонаря, показавшийся со ступеней, ведущих на второй этаж, я аккуратно прикрыл дверь, закрыв её изнутри. Осторожно подойдя к окну, посмотрел на улицу, у входа в издание стоял жандарм, освещая фонариком разбитое мной окно. Его позвал второй, осматривающий здание изнутри, служитель закона скрылся из виду. Я осторожно, стараясь быть как можно тише, открыл окно, и аккуратно по кирпичному выступу до-

брался до угла здания, где спустился по водосточной трубе. Быстрым шагом удалялся от своего «места преступления». Теперь я знаю, под чьей личиной скрывается Тагос, стигийский пёс. Это не кто иной, как Адольф Гитлер.

Утром на Бульваре Османа возле редакции французской газеты «Фигаро» я подкараулил резидента, завербованного мной в середине тридцатых годов, действующего активиста НТС, Александра. Пригласив его в небольшой ресторанчик, я заказал два кофе, мы удобно устроились, что располагало к продуктивному разговору.

– Клим, я рад вас видеть.

– Взаимно, Александр.

– Вы же не просто «восстали из мертвых», чтобы обменяться со мной любезностями, – недоверчиво отметил Александр.

– Вы правы, Александр, мне нужна ваша помощь.

– В чём она заключается?

– Александр, вы стали профессионалом в нашем деле и сильно изменились.

– Знаете ли, жизнь учит, Клим. ГУЛАГ, Арбайтсдорф, родиться русским это уже подвиг. Ощущаешь себя изгоем не только на своей Родине, но и за рубежом. А хочется жить, ничего больше, ни денег, ни благосостояния, просто жить. Спокойно воспитывать детей, любить, просыпаться, зная, что с утра тебя ждёт горячий завтрак, а не расстрельная команда.

Посмотрев на Александра уставшим взглядом, я ответил.

– Мне нужна информация по Адольфу Гитлеру, хотелось бы услышать неофициальную версию, работу спецслужб в этом направлении, я не верю, что он погиб. Остро нуждаюсь в деньгах и в двух удостоверениях личности подданных Великобритании.

– В своё время, Клим, вы сильно помогли мне, я не останусь в долгу, завтра на этом же месте в пятнадцать часов. Будьте осторожны, последнее время Париж кишит спецслужбами. Вас не ищут, но и не забыли.

Он расплатился за кофе, достав из портмоне смятые купюры, ещё часть денег положил на мою половину стола.

– Спасибо за предупреждение. До завтра, Александр, заранее благодарен.

Я натянул кепку на глаза, поднял воротник пиджака и пошёл в сторону отеля «Орионе Парисе Хауссмане». Цены были довольно приемлемы, заказал в номер рильет из утки с трюфелями, бутылочку «Барон Гастон Легран» тридцать четвёртого года. Налив в бокал арманьяк, я смаковал его маленькими глотками и наслаждался игрой цвета благородного напитка.

День меня вымотал, поужинав, не раздеваясь, я впал в объятья морфея. Проспав целые сутки, я чувствовал себя совершенно отдохнувшим, и чтобы скоротать время, решил пройтись по старым улочкам Парижа. За десять минут до назначенного Александром времени прибыл в кафе и заказал чашечку кофе. Он пришёл без опозданий.

– Добрый день, Александр.

– Добрый день.

– Александр, как насчёт моей просьбы, получилось?

– Да, Клим, получилось. Деньги, удостоверения личности, всё как ты просил. – Он положил на стол свёрнутую вдвое газету и подвинул в мою сторону. Я приподнял край и увидел документы и аккуратную, пухлую пачку фунтов.

– Спасибо, Александр.

– Информации нашёл немного, слишком мало времени, поэтому довольствуйся тем, что узнал, может, тебе и поможет. Десятого июля в Аргентину в порт Мар дель Плата сдалась подводная лодка U-530, капитан субмарины обер-лейтенант Отто Вермут, а семнадцатого августа в тот же порт зашла U-977, командир обер-лейтенант Хейнц Шоффер.

– При чём тут подлодки, Александр? Мне нужна информация по Гитлеру.

– Дело в том, что эти субмарины входили в так называемый «конвой Фюрера», перевозили ценности третьего Рейха и не только. Командир Отто Вермут, слишком молод, чтобы что-то знать, а вот Хейнц Шоффер, я думаю, может тебе помочь. Проблема только в том, что тебе до него не добраться. Им сильно заинтересованы американцы, месяц с ним работали профессионалы, но он так и не раскололся, а может, и раскололся, к сожалению, такой информацией не владею. Американцы передали его вашим ребятам, и сейчас он в Англии, где именно я не знаю.

– Ты думаешь, он что-то знает?

– Я в этом полностью уверен, Клим. Смотри, его хотят получить русские, ребята тоже ушлые и отмороженные на всю голову со своим коммунизмом, они костями лягут, если Сталин скажет.

– Спасибо, Александр, за помощь, береги себя.

Я пожал ему руку и мы попрощались. Александр вышел и сел в свой новенький Nash 600, припаркованный на другой стороне улицы. Раздался громкий взрыв, ударной волной разбило витрину, я упал на пол и закрыл голову руками. Услышав крики прохожих, я поднялся и увидел, что автомобиль Александра горел, пламя вырывалось из окон машины. Воспользовавшись паникой и неразберихой, вышел через задний вход.

ГЛАВА 11 ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛОНДОН

Возвращаться в отель я не стал, а сразу отправился в Живерни, меня там ждал Тео. Попутно зайдя в магазин, купил новые вещи и велосипед, на который погрузил свои покупки. До Тео я добрался без каких-либо серьёзных происшествий, хвоста за собой не выявил. Мучил вопрос, кому понадобилось ликвидировать Александра и не связано ли это с его помощью мне. Как и обещал своему товарищу, прибыл через два дня. Долго искать его не пришлось, мастером маскировки его назвать можно с большой натяжкой. Я отыскал Тео в двух ярдах от дороги, там он соорудил себе шалаш.

– Здравствуй, Тео, я думал, что вы спите на деревьях, – пошутил я.

– Здравствуй Клим. Ты где в этом болоте деревья увидел?

Мы засмеялись. Вкратце рассказав о событиях минувших дней, я начал распаковывать покупки. Достав брюки и ботинки, подал их Тео, он начал одеваться.

– Кое-как нашёл на тебя размер, ты нестандартный для этого мира. Попросив его присесть, я начал наносить чёрную краску на открытые участки тела. После Тео надел сорочку, мне пришлось долго уговаривать его связать нижнюю пару рук за спиной, уговорил. Надев огромного размера плащ и широкополую шляпу, он нечем не отличался от миранца, только рост немного смущал. Но высоких африканцев довольно много, так что мои сомнения отпали.

– Тео, мы должны отправиться в Лондон и найти обер-лейтенанта Хейнца Шоффера, я думаю, мы его разговорим. Скорее всего, он находится в «Лондонской клетке» на улице Кенсингтон Палас Гарден. Это одна из девяти тюрем для военнопленных, но я там ни разу не был. Много поменялось с тридцать седьмого года, наша контора разрослась, сейчас за это направление отвечает М19. Я думаю, ещё остались мои товарищи по оружию, которые окажут помощь. Нам нужно приобрести билеты на паром, будем переправляться через Ла-Манш.

Два дня нам понадобилось, чтобы добраться до Лондона. Остановившись в гостинице, я начал наводить справки о своих бывших коллегах по «Интеллидженс сервис». Мне несказанно повезло, когда я выяснил, что начальником «Лондонской клетки» был мой давнишний приятель Александр Скотлэнд, созвонившись, мы договорились о встрече. Идя по улицам, я не узнавал своего города, вокруг собора Святого Павла лежали в руинах жилые здания. Британцы не восстановили до конца город после бомбёжек гитлеровцев.

Вечером я встретился с Скотлэндом. Он был человек дела, его не смущало моё исчезновение, и он не любил задавать лишних вопросов, тем самым облегчал мне задачу. Рассказав о мнимых прецедентах, связанных с Хейнцем, я попросил о встрече с ним, он согласился пойти на должностное преступление и помочь нам проникнуть в камеру, где держали Хейнца Шоффера. Поставил только одно условие: не применять физического насилия к заключённому. Так как Шоффер не являлся военным преступником и не привлекался к Нюрнбергскому процессу, запланированному на ноябрь этого года.

Александр назначил нам встречу на тринадцать часов в своём кабинете на «Кенсингтон Палас Гарден». С Тео мы добрались до тюрьмы на конном экипаже. С виду здание абсолютно ничем не напоминало тюрьму, и это естественно, ведь это фешенебельный район Лондона. На входе стоял штатский, он явно не был резидентом, кидалась в глаза военная выправка. Мужчина попросил назвать цель прибытия, объяснив нам, что здание административное и пропуск посторонних лиц запрещён.

– Молодой человек, мы к господину Скотлэнду, у нас назначено, – галантно ответил я.

– Подождите минутку, сэр.

Он скрылся из виду, зайдя в здание. Через пару минут штатский вышел и пригласил проследовать за ним.

Поднявшись на второй этаж, сопровождающий остановился возле тяжёлой дубовой двери, тихо постучался. Получив положительный ответ, он открыл дверь и пропустил нас вперёд, зайдя за нами.

– Свободен, Кристофер, – сказал Александр, сидевший за большим рабочим столом, заваленным папками с делами заключённых. Сопровождающий вышел.

– Добрый день, полковник, – приветствовал я.

– Здравствуй, Клим.

– Ну и спутников ты выбираешь себе, немаленьких, – взглянув на Тео, сказал Александр.

– Какие были, меньше не нашёл.

– Ладно, Клим, я даю вам ровно десять минут и ни минутой больше, ты знаешь, на кону не только моя карьера, а может быть, и свобода.

Вместе с Александром мы прошли по коридору до конца левого крыла, где по лестнице спустились в подвал. Возле железной двери сидел часовой в форме военной разведки.

– Открывай.

Часовой отпёр тяжёлую железную дверь, мы пошли дальше по плохо освещённому коридору. Затем нам пришлось спуститься на три этажа ниже и повторить процедуру открывания дверей ещё пять раз. На каждом этаже находились камеры, возле отдельных стояли часовые, держа электролампы и направляя свет в маленькие зарешеченные окошки, наблюдая за сидельцами. Наконец мы подошли к своей цели. Камера открылась, мы вошли, дверь захлопнулась, заскрипели засовы.

– Время пошло, – взглянув на часы, сказал начальник.

На нарах сидел высокий симпатичный человек.

– Добрый день, Хейнц, я Клим Редли, это Бред Стоун, – указал я на Тео. – Мы сотрудники Британской разведки, нам необходимо знать, кого и куда перевозила ваша субмарина.

– Во-первых, господа, я не знаю, какое сейчас время суток. Во-вторых, я всё, что знал, рассказал ранее, сколько можно меня мучать.

– Не хотите по-хорошему, будет по-плохому.

– Вы будете меня пытаться?

– Нет, Хейнц, мы не фашисты, да и время ограничено, есть более гуманные способы выудить из вас информацию.

– Тео, держи.

Тео резко подался вперёд, вытащив из плаща нижнюю пару рук, обхватив Хейнца, левой верхней рукой зажал ему рот, правой вытянул его руку. Из кармана я достал шприц. В глазах Шоффера читался ужас, он был в тисках, осознавая, что его держат четырьмя руками.

– Гордись, Хейнц, ты будешь первый миранец на планете, который узнает, что такое «сыворотка правды». Тео, ты хоть пропорции соблюдал?

– Естественно, Клим.

Я ввёл препарат. Минута, и Хейнц обмяк в руках Тео. Он его посадил на нары, облокотив о стенку.

– Цель «конвоя фюрера»?

– Переброска на Базу-211 ценностей Третьего рейха, технологий, генофонда нации, учёных, инженеров, квалифицированных рабочих.

– Ты перевозил что-нибудь подобное?

– Да, обогащённый уран 235.

– Где находится база?

– В Антарктиде, на Земле Королевы Мод.

– Твой фюрер находится на базе?

– Я не знаю.

– Что ты хотя бы слышал?

– Нас не пускали в тоннель, но кто-то из первых там был. Они рассказывали, что за тоннелем земля, красивая земля, горы и лес, животные, там есть день и ночь, необъятные пространства, очень тепло. В тридцать восьмом наша подводная лодка типа IX–А патрулировала в Антарктиде. Небольшой форс-мажор, и капитан Дитрих фон Штельт подо льдами нашел грот, в котором он всплыл. После исследования пещеры он с командой обнаружил тоннель. Пройдя по тоннелю более восьми миль, капитан с командой так и не дошёл до его конца. По прибытии в Германию Дитрих в подробностях всё указал в рапорте. Не прошло и полугода после доклада, как туда отправилась научная экспедиция под руководством офицеров СС и специалистов «Анненербе». Там они нашли что-то очень важное, то, что повлияет на мировой уклад и даст огромную мощь нашим войскам. С этого момента мы совершали регулярные переходы, перевоза грузы и людей. Мы возродим чистую расу арийцев.

– Возродишь, возродишь. Координаты базы, быстро.

Противно заскрипел засов и в камеру вошёл Александр, за секунду до этого Хейнц успел мне сказать координаты базы 211.

– Время, господа.

Выйдя на улицу, мы быстрым шагом отправились восвояси.

– Пока нам везёт, Тео, самостоятельно мы бы долго добирались до Хейнца, если бы вообще добрались, – с улыбкой сказал я.

Тео ухмыльнулся, утвердительно качая головой.

ГЛАВА 12 КОНЕЦ МИССИИ БЛИЗОК

Мы не медлили ни секунды, по прибытии в гостиницу стали собираться в дорогу. Взяв билеты на трансатлантический лайнер, морскими путями мы с пересадками дошли до Буэнос-Айрес. Деньги были не бесконечны и вечерами мне приходилось играть в покер с пассажирами. Так как я был далеко не любителем в этой карточной игре, исход был очевиден с самого начала, но только для меня.

Столица Аргентины встретила двух изнеможённых странников прекрасной солнечной погодой и величественным архитектурным ансамблем колониального города. Любоваться достопримечательностями коренных жителей Южной Америки у нас не было времени, я хотел быстрее закончить миссию и увидеться с моей Богиней, Артемидой. Не проходило и дня, чтобы я ни вспоминал её глаза, бархатистую кожу, её голос. С момента моего бессознательного убытия с Нубары прошло

чуть больше месяца, я думал, что миссия будет выполнена гораздо быстрее. Поэтому наш дуэт без какого-либо отдыха продолжил своё путешествие на «край света».

Арендовав частный одномоторный самолёт с пилотом, мы долетели до города Ушуайя, перелёт занял пять часов. Город располагался на побережье канала Бигл, изумительная природа, сочетающая в себе горы, море, ледники и непроходимые, вечнозелёные леса.

– Тео, вот деньги, купи альпинистское снаряжение, концентрированных продуктов и тёплые вещи. Неизвестно, сколько мы будем искать Новую Швабию, а я дойду до порта, нужно нанять лодку с экипажем. Встретимся через пару часов на этом месте.

Пробегав с полчаса в безрезультатных поисках волонтеров с яхтой, выяснил, что воды в тех местах беспокойные и опасные, моряки обходят их стороной, там с постоянной регулярностью пропадают суда. Зато искателей приключений и сорвиголов можно найти в местной забегаловке. Правда, интерес повышался только вместе с предложенной суммой. В баре стоял гул, пьяные моряки перекрикивали друг друга, делясь свежими новостями и своими любовными победами. Переступив порог бара, я подошёл к стойке и заказал кружку пива, поинтересовавшись у бармена:

– Где мне можно нанять лодку с экипажем?

– Везде, – ответил чилиец.

– Я исследователь, мне и моему товарищу необходимо высадиться на немецкой территории в Новой Швабии.

Внезапно в баре наступила полная тишина, взоры моряков устремились в мою сторону.

– Молодой человек, вам тут никто не поможет.

Вдруг в тишине раздался хриплый голос:

– Я вас доставлю, сколько заплатите?

В тёмном углу бара сидел мужчина в грязном рыбацком плаще и широкополой шляпе. Обветренное смуглое лицо рассекал большой шрам. Он напомнил мне прожжённого морского пирата из книги «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона, которую читал в детстве.

Я подошёл к нему и присел напротив. Бар опять загудел и продолжил свою обычную жизнь, как будто не было никакой молчаливой паузы.

– Здравствуйте, меня зовут Клим Редли, я исследователь.

– А мне абсолютно без разницы, кто вы и как вас зовут.

– Но как-то мы должны общаться?

– Я вам ничего не должен, ко мне можете обращаться «капитан».

– Ну, хорошо, хорошо, капитан. Сколько я буду вам должен, м., за вашу услугу?

– Эх, англичане, что вы за народ? Вы мне ничего не должны.

Я расплылся в улыбке, думая, что внешний вид иногда обманчив.

– Но деньги вперёд, две тысячи долларов, – ошарашил меня капитан.

В наличии у меня было только тысяча фунтов, семьсот двадцать долларов и мелочь, я достал деньги и положил их на стол. Он небрежно пересчитал их, сгрёб в кучу мелочь и убрал в карман.

– Тут не хватает, – пронзительно посмотрев, сказал он.

– Но у меня больше ничего нет.

– Отходим завтра утром, в шесть утра на причале, опоздаете, уйду без вас.

Порт был в тумане, в шесть утра мы с Тео стояли у пирса, возле старого китобойного судна, от волн его покачивало, в такт волнам раздавался неприятный скрип.

– Что стоите? А ну марш на палубу, – раздался хриплый голос капитана.

Мы поднялись, юнга показал нам нашу каюту. Численность экипажа была всего восемь человек, включая капитана. Про чистоту говорить вообще не приходится, она просто отсутствовала. Я отдал лоции с местом высадки капитану, составив их по памяти со слов Хейнца. За время нашего перехода ничего существенного не произошло, за исключением того, что, как оказалось, Тео не переносил качки, и его сразила морская болезнь, на палубу он практически не выходил.

– Тео, мы с тобой полмира исколесили на кораблях, вроде за тобой морской болезни не замечал.

– Клим, лучше на самолёте полетели бы, это не судно, это кефаль.

Как и обещал капитан, мы добрались до обозначенного мной на лоции пункта назначения. попрощавшись с капитаном и пожелав ему удачи, мы отправились вглубь Антарктиды. По словам Хейнца, на базу с поверхности вёл только один вход, который должен был привести к доку подводных лодок. Шёл конец октября сорок пятого, когда мы дошли до тоннеля.

– Ну что, Тео, наша миссия подходит к концу, долго же мы с тобой ходили, много дорог исколесили, – радостно сказал я.

И уже было вступил в тоннель, как меня окликнул Тео.

– Клим, мне нужно с тобой поговорить, хочу сразу извиниться, что молчал всё это время.

– О чём это ты?

– Дело в том, Клим, я не мог сказать тебе раньше, во сне ты разговаривал с Артемидой, и я подумал, что у вас с Создателем, ну, отношения

что ли. Ты, наверное, хочешь её увидеть, с ней быстрее встретиться.

– Тео, давай говори. Что ты ходишь вокруг да около?

– Клим, мы не вернёмся назад, – на одном дыхании выпалил он.

– Что ты говоришь? Как не вернёмся?

– На Миране нет портала перехода, есть вход, выхода нет.

Я пристально смотрел ему в глаза, он потупил взор. Всплыли воспоминания пятимесячной давности, о моей первой встрече с Артемидой, о том, как «начали выходить девы, воздух вибрировал, и напоминал водную гладь, в которую бросили камень, и пошла рябь», о том, как до Олимпии мы добирались не через систему «*ntergalactic ostium*»...

– Ладно, Тео, пошли, нам пора заканчивать.

Мы молча вошли в тоннель.

– Извини, – ещё раз обронил Тео.

ГЛАВА 13 НОВАЯ ШВАБИЯ

Не пройдя и пяти миль, я услышал звук перестрелки. Мы с Тео ускорили шаг, постепенно перейдя на бег. Выстрелы всё приближались.

– Тео, смотри, впереди показались два человека в защитной униформе. Один, явно из последних сил, нёс на себе раненного товарища, увидев нас, он попытался одной рукой взять автомат, висевший на груди, у него это не получилось. Автомат выскользнул из руки и повис на шее, рука обвисла плетью, он тоже был ранен. Мы быстро подбежали к ним.

– Кто вы такие? – спросил я.

Услышав родную речь, человек представился:

– Лейтенант Джеймс Тейлор, Британский командос.

И продолжил:

– Там фашисты, фашисты, там Айдж Дагфинн.

– Какой Айдж Дагфинн? – переспросил я.

– Уходите, быстро уходите, всё заминировано, через четверть часа тоннель взлетит на воздух. Он никак не мог отдышаться. Из-за поворота показался ещё один человек, он вёл огонь из автомата по преследователям.

– Давай оружие, – крикнул я лейтенанту.

Быстро забрав автомат и боеприпасы, я поднял их и поставил на ноги, Тео забрал пистолет. Дождавшись Айджа, я крикнул:

– Уходите, мы прикроем.

– Ну что, бродяга, повоюем, коль дороги назад нет? – обратился я к Тео.

– С удовольствием, Страж, – улыбнувшись, ответил бывший ко-

мандир элитного нубарианского легиона. Резко скинул плащ, разорвал пути, связавшие его вторую пару рук.

– Как я соскучился по своим рукам, – крикнул он, быстро их разминая. – Жаль кисти не хватает. Оглянувшись назад, я увидел отходящих к выходу из тоннеля бойцов командос.

– Доброго пути, господа, – крикнул я им вслед, и демонстративно поклонился.

Из-за поворота выскочили эсэсовцы, Тео стоял рядом со мной. Он громко зарычал и поднял свои четыре руки вверх, эсэсовцы, увидев огромное четырёхрукое существо, остановились в изумлении. Теперь был мой выход, я в упор начал расстреливать фашистов. Всё закончилось быстро, десяток карателей лежали вповалку друг на друге, в их мёртвых стеклянных глазах застыло удивление. Это хорошая смерть, подумал я, глядя на уничтоженных мной противников, переступая через трупы. Пусть лучше удивление, чем страх, боль и страдание. Собрав боеприпасы у покойников, мы побежали дальше, помня о том, что британцы заминировал тоннель. Полчаса бежали, не останавливаясь, позади нас прогремел взрыв. Тоннель задрожал, от взрывной волны нас откинуло. Кувыряясь, мы покатались по тоннелю, резко уходящему вниз. Мы всё скользили и скользили по ледяной поверхности тоннеля, а он всё не кончался...

Вдруг, очень резко, тоннель оборвался. Мы вылетели из него подобно пулям из канала ствола, упав в воду. Вынырнув, я огляделся по сторонам, мы находились в большой пещере, в миле от нас находился освещённый пирс с пришвартованными к нему тремя субмаринами.

– Поплыли, – сказал я вынырнувшему рядом со мной Тео.

Мы поплыли в сторону пирса.

Незаметно подошли к субмаринам, поднявшись на борт, укрылись за прочной рубкой. По пирсу ходили часовые, в чёрной униформе эсэсовцев, со свастики на рукаве и автоматами на груди. Я посмотрел на Тео, он дрожал всем телом.

– Сними одежду, что тебе стесняться, у тебя всё покрыто шерстью, все равно срама не видно.

– Иди ты, – стуча зубами, ответил он, явно не оценив моей шутки.

– В отличие от тебя мне никто не «дарил» «novam vitam».

– Ну ладно, не злись, Тео.

– Если бы ты знал, что такое холод, – успокаиваясь, пробубнил он.

Пауза.

– Клим, как часовых снимать будем, их тут шестеро? – одновременно меняя одежду, благоразумно закупленную им в Ушуйай и упакованную

в непромокаемый вещевой мешок, заинтересовался Тео.

– Что у нас с оружием? Я свой автомат выронил, пока летели. У тебя пистолет остался?

– Да, – Тео открыл затвор, слил с газоотводной трубки воду, – теперь есть. Вот возьми, – вынул из мешка три метательных ножа и подал их мне.

– А посерьезней что-нибудь?

– Нет, когда я вещи покупал, на меня местные во все глаза глядели.

– Я беру троих слева, ты троих справа, по возможности не шуми.

Мы прошли к корме субмарины незамеченными часовыми и разделились. Я дошёл до первого и перерезал ему глотку, предварительно зажав ему рот рукой. Второго я снял тоже без проблем, подойдя на семь метров к нему с тыла, метнул в него нож, попав аккуратно в шею. С третьим пришлось повозиться, он услышал звук падающего тела и лязганье оружия, и пошёл в моём направлении. Внезапности не получилось, дородный немец был выше на полторы головы и шире в плечах. Я выскочил перед ним, провёл серию ударов, лоу кик, прямой в голову, левый хук. Часовой остался на ногах, слегка покачиваясь, он инстинктивно выстрелил очередью из автомата. Я вытащил второй нож, и пока тот находился в лёгком нокауте, воткнул ему его в глаз. Нож нашёл место в его голове, достав до мозга, часовой повалился на землю. Сзади уже стоял Тео и ухмылялся.

– Что ты там говорил про тишину?

Пирс был чист. По указателям мы добрались до второго тоннеля, который, по словам Хейнца вёл непосредственно в Новую Швабию. Вход был оборудован большими железными воротами. Как ни странно, возле них не оказалось солдат. Мы открыли дверь и удивились увиденному. За воротами находился самый что ни на есть метрополитен, большие колонны поддерживали огромный шатер из тонн льда. Туда–сюда по перрону ходили офицеры и солдаты СС, провожающие уставшим, отсутствующим взглядом проходившие мимо составы.

– Что будем делать, Клим?

– Быстро пошли обратно, переоденемся в форму, пока она вся кровью не пропиталась.

Вернувшись на пирс, я одел форму унтершарфюрера СС, в отличие от меня Тео уничтожил врагов «бескровно». Тео одел форму Манн СС, убитого мной дородного немца. Вся охрана по эмблемам относилась к Лейбштандарту СС Адольфа Гитлера. Форма Тео была в крови, я перебинтовал ему лицо, обмазав бинты кровью. Легенда заключалась в том, что Тео получил травму, повредив себе лицо, нарушив требования безопасности, ему была необходима медицинская помощь. Мы вошли в ан-

тарктическое метро. Тео облокотился на меня, я делал вид, что его придерживаю. Подойдя к офицеру на перроне, я, отсалютовав, обратился:

– Господин Обершарфюрер, мой солдат получил травму, ему необходима помощь.

И я объяснил причину получения травмы.

– Унтершарфюрер, через пять минут подойдёт состав, на котором вы можете добраться до Швабии, пока присядьте.

– Хай Гитлер!

– Хай Гитлер! – ответил мне офицер.

Состав подошёл ровно через пять минут, для сорок пятого года двадцатого столетия он выглядел очень необычно. Локомотив был обтекаемый, экипажная часть была заострена и походила на морду дельфина, у локомотива отсутствовали колёсные пары, он парил в нескольких дюймах над своеобразной дорогой. Откуда у них наработки по квантовой левитации, подумал я. Железнодорожный рабочий помог отвести Тео в вагон. Мы тронулись, большие окна вагона давали хорошее обозрение. Минут через двадцать тоннель закончился. Мы увидели, что под нами расстилается зелёная гладь тропического леса, а свод огромной пещеры имитировал небо, разве что облаков не было.

– Это невозможно.

– Почему невозможно, всё научно обосновано.

– Тео, так почему до фашистов тут никто не был?

– Тут побывало много миранцев. Просто огромные тектонические плиты имеют свойство перемещаться, с ними перемещается и вход, постоянно меняя своё местоположение. Теорию полой земли в своих трудах описывали много миранских учёных, им не хватало научных обоснований чтобы доказать её. На самом деле всё намного проще и теория полой земли просто красивая сказка.

– Так почему вы им не подсказали, ты же говорил, что все знания идут от вас.

– Не искажай то, что я тебе говорил. Мы даём направление, зарождаем идею разными методами. Дальше приходится просто поправлять. А по поводу теории полой земли, всему своё время, мы зародили идею, миранцы сами доведут её до логического конца, дело времени. Так называемая Новая Швабия является не чем иным, как потерянной вами Атлантидой. Надеюсь, ты про неё-то слышал?

– Ты рассказывал про Атлантов.

– Антарктида когда-то была шестым континентом, тут жили наши предтечи, защитники вашего вида Атланты. Весь континент был покрыт силовым полем, добраться до Атлантиды можно было только

через два открытых тоннеля. Атланты ушли, и как подарок будущим поколениям они оставили свой город со всеми технологиями. Со временем Атлантида покрылась льдом, но осталась в изначально созданном состоянии, силовое поле защищает континент от всех природных катаклизмов, вход знали только избранные. Прошли столетия, всё позабылось, обросло мифами и легендами.

Состав остановился, прервав наш диалог.

ГЛАВА 14 ТАГОС

Мы вышли на перрон, где нас уже встречал медицинский персонал. Тео положили на гидравлические носилки и отвезли к карете скорой помощи, я проследовал за ним. Автомобиль скорой помощи работал по тому же принципу, что и локомотив, на котором мы добрались до города и не имел колёс. Оглядываясь по сторонам, я рассматривал раскинутые многоярусные ветви железных дорог и снующие по ним составы. Дороги были сделаны из неизвестного мне материала и напоминали отполированный горный хрусталь. Город представлял собой экоселение, раскинувшееся вдоль прибрежной полосы внутреннего моря. Центр города был застроен высокими жилыми башнями, на каждом ярусе которых находились широкие балконы с цветниками. Мы проезжали центр, когда я заметил здание, не вписывающееся в общий архитектурный ансамбль. Оно было громоздким, и построено из чёрного камня вулканического происхождения, к входу вели широкие ступени, по краям висели большие полотнища со свастикой. Подъехав к больничному центру, Тео транспортировали в палату.

– Тео, я догадываюсь, где находится Тагос. Но как нам туда попасть, я даже не представляю.

– Мы на чужой территории, так что нас спасёт только импровизация.

В палату вошёл лечащий врач.

– Так, ну что у нас, больной?

Ударом в челюсть я послал его в глубокий нокаут. Мы привязали дотора к больничной кушетке и начали ждать, пока он придёт в сознание.

– Очнулся, наконец-то, – сказал Тео.

Вытащив кляп, я начал допрос.

– Где находится Адольф?

Врач смотрел на меня взглядом с отсутствующим интеллектом.

– Где находится Гитлер? – повторил я свой вопрос.

– Мы высшая раса, фюрер с нами, – ответил он.

– Клим, ты наверно сильно его ударил. Что за ахинею он несёт?

– Третий рейх вечен!!!

Мы переглянулись. Засунув кляп ему в рот, я в очередной раз отправил доктора в нокаут.

– Интуиция мне подсказывает, тут что-то не так, миранцы себя так не ведут.

– Да, дело ясное, что дело тёмное.

Мы вышли в коридор и быстрым шагом направились к выходу. По комплексу ходил медицинский персонал. Только сейчас я начал замечать, что они ведут себя странно. Они шли неестественно, как солдаты по строевому плацу, никто из персонала не разговаривал друг с другом. Покинув больничный комплекс, мы вышли на оживлённую улицу. На нас никто не обращал внимания, люди шли по заранее известному только им маршруту, никто не поворачивал головы, никто не разглядывал, не общался друг с другом. Мы последовали их примеру.

– Ты заметил, Тео, это же зомби? – спросил я.

– Конечно, заметил.

– Тео, нам направо.

Мы свернули в проулок.

– В сорок четвёртом исчез господин Рудольф Левин, руководитель Зондеркоманды «Н», думаю, он здесь. План такой, я сопровождаю тебя в отделение исследований оккультных наук «Аненербе», якобы отдел СЗ 7-го управления РСХА не заинтересован в изучении мутанта, и передают тебя для дальнейшего исследования в отдел оккультистики.

– Думаешь, сработает?

– Надеюсь. Снимай китель.

Недолго думая, он подчинился, я связал его руки бечёвкой, и дворами мы пошли в сторону тёмного здания. Поднявшись по ступеням, увидел двух часовых, стоявших у входа, и офицера, который подошёл к нам.

– Хай Гитлер, – отсалютовал я ему, вскинув правую руку вверх.

– Хай Гитлер. Цель вашего прибытия в рейхканцелярию, унтершарфюрер?

– Господин гауптшарфюрер, Рудольфом Левиным мне поручено доставить это существо для исследования в отдел оккультных наук.

Он внимательно осмотрел нас с ног до головы.

– Сдайте оружие и пройдёте за мной.

Мы повиновались.

– Господин гауптшарфюрер, я первый раз в рейхканцелярии. Мне можно хоть одним глазком взглянуть на нашего фюрера? Это мой бог.

– Он бог для всего германского народа. Сейчас он редко появляет-

ся на людях, здоровье подводит, но я думаю, «Аненербе» найдёт способ вылечить его недуг. Увидеть вы его сможете, только когда он поправит своё здоровье. В данное время идёт совещание у руководства страны, Гитлер обещал, что мы вернёмся и сотрём с лица земли наших врагов. Даже больной он заботится о своём народе.

Офицер достал с внутреннего кармана книгу, это был «Майн кампф».

– Это моя библия.

– И моя тоже.

Идиот, подумал я.

Зайдя за маршевый пролет, я накинулся на офицера, обезоружив его, засунул кляп в рот и связал.

– Тео, нам на второй этаж, там сейчас вся верхушка. Мы бегом поднялись на этаж, возле кабинета фюрера за столом сидел адъютант и стояли два охранника. Одной очередью я срезал всех разом. Мы забежали в кабинет. За длинным столом сидели три человека, в них я узнал Мартина Бормана, Йозефа Геббельса и ангела смерти Еву Браун. Во главе стола сидел Гитлер. Адольф встал, выглядел он ужасно, как мертвец, восставший из могилы, левая рука непроизвольно дергалась.

– Тео, забаррикадируй дверь, чтоб нам не помешали.

– Кто вы и что вам надо? – спросил дрожащим голосом некогда могущественный фюрер.

– А ты не догадываешься? Пришло твоё время, ты натворил слишком много зла на этой планете. За всё в этой жизни надо платить.

– Но перед тем, как я вас убью, скажи, что творится с людьми, сделай хоть раз в своей жизни что-нибудь полезное.

– Не говори ему ничего, – выкрикнула Ева.

Внезапно Гитлер вытащил пистолет, запрыгнул на стол и с криком кинулся ко мне, то же сделали Борман и Геббельс. Я вскинул автомат и расстрелял их в упор. За столом осталась сидеть только Ева.

– Ну, вот и всё. А с вами-то мне что делать, может сдать властям, а они разберутся? Как раз начался процесс над фашистскими преступниками.

– Иди ты, Страж, я разорву твоё поганое тело на мелкие кусочки, – механическим голосом ответила Ева.

Её глаза налились кровью, тело начало трансформироваться, разрывая платье. В массивную дубовую дверь пыталась ворваться охрана. Я выпустил рожок в Тагоса, но это не причинило ему ни малейшего вреда. Трансформация завершилась, и предо мной предстал цербер. Он побежал ко мне, прыгнув, повалил меня на пол, его зубы лязгали возле моего лица, зловонная слюна стекала с жёлтых клыков, красные глаза горели злобой.

Я попытался скинуть его с себя, но у меня это не получилось. На меня полилось что-то тёплое, я зажмурился. Тело Тагоса обмякло под моими руками, я его откинул в сторону. Открыл глаза и увидел стоящего надо мной Тео, держащего меч, рядом валялись три головы Тагоса.

– Где ты раритет этот взял, мой ангел-хранитель?

Он указал на стену, увешанную всевозможным холодным оружием. Тео подошёл к стене, нажал скрытую кнопку, за которой находился пульт управления с множеством мониторов и кнопок. Подойдя к панели, Тео набрал комбинацию. Резко прекратился стук в дверь, мы подошли к окну, выходящему на площадь. На площадь стал стекаться изумлённый народ.

– Клим, это психотронное оружие, с помощью его Тагос контролировал и манипулировал сознанием жителей, превращая их в бездушных машин.

– Я уже понял. Ну что, Тео, мы выполнили свою миссию. Что будем делать сейчас?

– Клим, в глубине души я всегда хотел быть верховным магистром.

– Не вопрос, меня в помощники возьмёшь?

– Первое, что мы сделаем, Клим, мы будем строить провидализм. Помнишь, ты задавал мне вопрос про Нубару, как мы этого достигли, вот я и покажу. Только руку отремонтирую.

Мы дружно засмеялись.

ЭПИЛОГ

Когда Клим закончил свой рассказ, солнце уже зашло в закат. Я сидел, открыв рот.

– И всё это время вы находились в Атлантиде?

– Нет, Джон, мы с Тео иногда прогуливались по верхнему миру. Кстати, я вернул вещи и деньги украденные мной в Живерни.

– А как провидализм?

– Процветает, Джон, процветает.

– А где Тео? – спросил я.

Он посмотрел на часы и ответил:

– В этот раз он остался в Атлантиде.

– Ещё один вопрос, можно.

– Валяй, – добродушно разрешил он.

– Я слышал, что в Антарктиду в тысяча девятьсот сорок седьмом была отправлена научная экспедиция американцами, но по неизвестным причинам резко была свёрнута.

– Да, был такой факт. Конечно, экспедицию нельзя было назвать

научной, это охотники за знаниями. Но к таким знаниям вы просто пока не готовы, они навредят вам.

Воздух завибрировал, время остановилось, и из пустоты появилась девушка неопишуемой красоты, рядом с ней, держась за руку, стоял маленький мальчик с большими карими глазами.

Артемида. Клим встал, подошёл к ней и заключил в свои объятия. Они о чём-то говорили. После Клим взял мальчика на руки, поцеловал, и они пошли в противоположную сторону от меня.

– Клим, ты куда?

– Домой, Джон, наконец-то домой.

– Ты вернёшься?

Повернулась Артемида, улыбнувшись своей обворожительной улыбкой, ответила:

– Вернётся, обязательно вернётся.

МУЖЕСТВО. ОТВАГА. ЧЕСТЬ.

ПРОЛОГ

В связи с возросшей преступностью в 2045 году на заседании общепланетарного содружества была принята декларация № 100 «Об использовании особо опасных преступников приговорённых к пожизненному заключению, в качестве биологического материала, и утверждение состава преступлений, предусматривающих данный вид наказания».

Пункт первый декларации гласил:

«Во избежание юридических, следственных и иных ошибок влекущих осуждение невиновных, после вынесения приговора, проводить доследование в течение семи лет».

Пункт второй:

«Осужденных за особо опасные преступления, в течение семи лет содержать в отдельных камерах исправительных учреждений. По истечении семилетнего срока этапировать в тюрьму биологического материала, сокращённо ТБМ».

2057 ГОД, «ХАТАНГА»

Только «лучшие из лучших» достаивались «чести» отбывать свой срок до истечения семи лет доследования, в тюрьме особого режима «Хатанга». За высоким забором, под неусыпным контролем вооружённой охраны, находились «оборотни» расы человеческой. И среди этого обилия серийных убийц, извращенцев и просто «джентльменов удачи» разных мастей, отбывал свой семилетний срок, ожидая этапирования в ТБМ, тридцатилетний Аристарх Давыдов.

«Как же так, – думал он. – Почему это случилось со мной? Я преуспевающий научный сотрудник КБ, с прекрасной репутацией, большими перспективами на будущее, оказался тут. Зачем я пошёл в этот публичный дом? Да, правду говорят, спиртное до добра не доводит, был бы трезв, всё бы сложилось иначе».

Воспоминания минувших лет наплыли сами собой.

Накануне, 15 мая 2050 года, сотрудники КБ им. «Первых Колонистов», как и весь мир, готовились к празднованию 15-ой годовщины «Контакта Дружбы» с внеземными цивилизациями. К сорок пятому году все юридические проволочки по объединению независимых государств были устранены, мир вступил в новую фазу социальной эво-

люции. С помощью пришельцев было создано общее планетарное правительство, в которое входили представители от каждого в прошлом независимого государства. Председательство в содружестве проходило общей жеребьёвкой на один год, но не более одного раза в сто девяносто четыре года от каждого субъекта. Были внедрены новые инструменты в области экономики, научных сферах. Как акт доброй воли Протуберанцами нам были подарены оборудованные колонии на Марсе в «долине Маринери» и Луне у «кратера Альфонса», на картах обозначившегося как «Земной сектор №1, №2». А также технологии, позволяющие быстро, комфортно путешествовать в пределах Солнечной системы и многие другие аспекты, облегчающие повседневную жизнедеятельность нашего вида. Тем не менее сработала старая русская поговорка «сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит».

Победив расовую дискриминацию, национализм и религиозную нетерпимость, на планете появилось движение людей, недовольных существующим режимом и мировой глобализацией. Они называли себя «Союз несогласных». Для достижения своих целей они использовали только один инструмент – террор. Этим только усугубляя жизнь простым гражданам и ОС в целом, мешая интеграции в Галактический Союз Миров. Согласно п.2 ст.1. Правил членства в ГаСоМи, «каждая планета, не искоренившая социальное неравенство и террор, входит только в протекторат, и не является действующим членом организации». В этом стремительно меняющемся мире жил, учился и работал Аристарх Давыдов.

На здоровье никогда не жаловался, был развит физически, хорошо сложен. Любил блеснуть интеллектом, к месту пошутить, чем вызывал нескрываемое уважение своего начальства. После корпоративной вечеринки, устроенной управлением КБ, Аристарху захотелось продолжить свой отдых, но уже с девушками самой древней профессии. Одному ехать до борделя было скучно, поэтому он взял с собой недолго сопротивлявшегося предложению Сергея, с отдела «Разработки Автономных Модулей».

– Сергей как думаешь, может, по девочкам, нехота сегодня время тратить на знакомства? – спросил я.

– Почему бы и нет? Может, лучше в сауну, там и оторвёмся?

– Да ну её, сауну, поехали в бордель.

Сергей пожал плечами, показывая, что ему абсолютно безразлично, и он в любом случае составит мне компанию.

– Пошли прогуляемся, погода хорошая, да и засиделись мы как мыши офисные, под крышей, хоть на звёзды посмотреть, – предложил он.

Дойдя до места, мы подошли к двери, в предвкушении отличного вечера, я постучался. Скрипнув, дверь приоткрылась, она была не заперта. Нисколько не смутившись, я зашёл в квартиру, там было темно. Проследовав по коридору, дошёл до выключателя, одновременно позвав хозяйку.

– Мама Нелли, а мама Нелли, куда вы спрятались?

Рука потянулась включить свет, и тут я поскользнулся, упав на что-то мокрое и вязкое. Попытался встать, руки разъезжались в разные стороны, я хватался за стены, но безрезультатно.

– Сергей, помоги встать, они тут разлили что-то.

Сергей молчал. Через секунду, темноту квартиры со стороны двери, осветили бегающие лучи электрофонарей.

– Всем оставаться на местах, – многоголосо донеслось до меня. Я снова попытался встать.

– Лежать! Лежать!

Мне скрутили руки, надев силовые фиксаторы, и оставили на полу. Кто-то включил свет, я зажмурился, в следующую секунду открыв глаза, увидел то, что повергло в шок. Паркет был залит кровью, повернув голову, увидел на стене отпечатки своих рук. Подняв меня, сотрудники планетарной безопасности сопроводили в спецмашину, где уже находился Сергей. В квартире, куда мы пришли отдохнуть, было зверски убито пять девушек и два Протуберанца.

Через год следствия, нас приговорили к ТБМ. Форс-мажорная ситуация, но, к сожалению, я не предусмотрел её в своём контракте под названием жизнь. Семь лет, которые я провёл в «Хатанге» показались вечностью. До этапирования мне оставался месяц, время понеслось со скоростью света. Я не знал, что такое ТБМ, никто не знал, никто оттуда не возвращался и рассказать об этом было некому. Гордясь собой, всегда думал, что не испытываю страха, теперь знаю, ошибался. Я боюсь, боюсь неизвестности, человек привыкает, приспосабливается, может смириться абсолютно со всем, кроме неизвестности. Лязгнули замки камеры.

– Давыдов, на выход, руки к стене.

«Ну, вот и все, вперёд в неизвестность», – подумал я.

«КОНЕЧНАЯ»

Пройдя санитарно-гигиеническую обработку, меня переодели в униформу красно-белого цвета, под номером 115, с логотипом ТБМ на груди и спине. Ко мне подошёл начальник тюрьмы мистер Билл.

– Ну что, Давыдов, удачи тебе, все бы заключённые как ты были, не жизнь бы была, а сказка.

– До свидания, господин начальник. Не знаете, что дальше?

– Почему же, знаю, ты в ТБМ, а я на пенсию, – вздохнул он, будто бы мы поменялись местами.

Даже на допросах никогда не переносил его тупой военный юмор, подумал я, глядя на улыбающегося Билла. Сопровождавшие меня конвоиры повернули к подземной станции, которая находилась под исправительным учреждением. Перрон был оцеплен вооружёнными сотрудниками планетарной безопасности, по краям, оскалив зубы, рычали овчарки, специально науськанные на заключённых. Кинологи с трудом сдерживали беснующихся собак, рвавшихся разорвать конвоируемых. После команды я гуськом проследовал на перрон, где на корточках уже сидели с десятков осуждённых в красно-белой робе.

– Руки за голову, 115-ый, за голову, я сказал, – прокричал старший.

Подошла транспортная капсула вакуумного спецсостава, нас развели по камерам. В камере капсулы разместили шестерых. Я подслушал разговор охранников и сделал вывод, что нас отправляют на Байконур. Но моя логика не могла составить какую-либо схему, потому что в тех краях кроме степи и космодрома больше ничего не было. Рассчитав примерное время нашего прибытия, я поделился своими мыслями с сокамерниками.

– Что думаете? – спросил я.

– Думать удел умных, господин 115-ый, – сказал Вениамин, седоватый, пожилой мужчина, крепкого телосложения, осуждённый за многократные убийства граждан ОС.

Он был профессиональным киллером, и входил в организацию «Союз несогласных».

– Зачем так категорично об этом заявлять, Вениамин, – парировал я.

– Поверь мне, молодой человек, навряд ли ваши мысли смогут что-то изменить в данной ситуации, разве что испортить настроение осознанием безысходности.

– Всегда было интересно узнать, 118-ый, за что вы боритесь?

– За свободу, за индивидуализм, за мир во всём мире.

– А кто Вам запрещает быть индивидуальным? И как можно достичь мира, противопоставляя ему террор?

– Вы не понимаете, 115-ый, нас используют, нами руководят. Разве вы этого не видите? Мы послушная отара, заманив нас «технологическими объедками с барского стола», они контролируют все наши действия. – Глаза говорящего горели фанатичным блеском.

– Вы фанатик, Вениамин, спорить с Вами я не собираюсь, да и бесполезно это, всё равно не сможете внятно объяснить, как нас используют и в чём заключается контроль. Но с одним я согласен, настроение испорчено, хотя и приподнятым назвать его было нельзя.

Остаток пути мы проехали молча. Состав остановился.

– «Конечная». Называю номер, выходим по одному, – крикнул начальник конвоя.

По одному мы начали выходить на перрон. Всё повторилось как в «Хатанге», только в обратном порядке.

Внезапно прогремел взрыв, заполонив перрон едким дымом, раздались выстрелы автоматных очередей. Из тумана короткими перебежками, используя укрытия, появились люди в масках, стреляющие без разбору, в противовес им вторили охранники. Запаниковавшие заключённые металась по перрону, не находя себе места, падали под градом свинца, пополняя ряды свиты Одина.

– Вениамин, что здесь происходит? – спросил я.

– Твоё счастье, 115-ый, не узнаешь, что такое ТБМ.

Внезапно всё стихло.

– Вениамин, Вениамин, – раздалось из тумана, – ты жив?

– Я тут, Билл, – подняв руку, обозначил себя мой сокамерник.

Я встал на ноги, оглядываясь по сторонам. Из начавшегося рассеиваться плотного дыма вышел вооружённый человек.

– Здравствуй, брат, – заключив в объятия Вениамина, сказал Билл.

– Здравствуй, братишка, как я рад тебя видеть! Семь лет прошло, я грешным делом подумал, что и не вспомните старого Вина. Ладно, ладно, хватит телячьих нежностей, Билл, нам пора спешить, скоро подойдёт подкрепление. Ты с нами, 115-ый?

– У меня имя есть. Аристарх, – огрызнулся я.

– Ух, какие мы гордые, давай не взбрыкивай, – ответил Вениамин. Так ты с нами? Тон, которым это было сказано, мне очень не понравился.

– Конечно, где мне ещё укрыться, если не у вас, – прищурившись, ответил я.

– Что делать с ранеными? – спросил у Билла подбежавший боец.

– Всех уничтожить.

– А наших?

– Я сказал всех, кто не может самостоятельно передвигаться, – голосом, не терпящим возражений, ответил он. – Через минуту уходим на базу.

В разных частях станции послышались одиночные выстрелы, перрон был устлан трупами осуждённых, охраны и нападавших.

Что же это за люди такие, о каких высоких материях они говорят и борются, если, не задумываясь, убивают своих раненных единомышленников?

БАЗА

База «Союза несогласных» находилась под самым носом у Общепланетарного Содружества, точнее сказать, под ним. На глубине восьмидесяти метров над поверхностью был оборудован небольшой автономный город с населением в пятьсот человек. Это был обычный город со своей развитой инфраструктурой, не зависящий от внешних источников. Я был удивлён его грамотным расположением, никогда правительству не догадаться о его существовании.

– Умны, умны повстанцы, ничего не скажешь.

Мои размышления прервал вошедший в комнату Билл.

– Быстро собирайся, Аристарх, через десять минут начнётся расширенное заседание Союза. Сегодня мы должны выработать и утвердить концепцию действий организации на 2058 год. И разработать план действия теракта под кодовым названием «Возмездие», которое мы хотим «приурочить» к 22-ой годовщине «Контакта Дружбы».

– Билл, а я-то тут каким боком? Я не состою в вашем союзе и не поддерживаю ваших идей.

– Придётся поддержать, Аристарх. Я думаю, ты понимаешь, что отпустить тебя мы не можем, ты слишком много знаешь.

Я быстро собрался и последовал за Биллом. В конференц-зале находились человек тридцать, которые что-то активно обсуждали, наклонившись над большим столом. Объемная визуализация архитектуры объекта, над которым склонились тактики, смутно напоминал здание управления моего родного КБ. Я не ошибся.

– Аристарх, у нас возникла небольшая проблемка. Ты же работал в КБ им. «Первых Колонистов»? – спросил Вениамин.

– Что вы задумали?

– Не веди себя как девчонка, ты прекрасно знаешь, что мы задумали. Нам необходимо проникнуть в здание бюро и установить взрывное устройство, для пущего эффекта лучше применим бомбу объёмного взрыва. Детонацию произведём в 11 часов, как раз все на работе будут.

– Погибнут невиновные, при чём тут люди? Они же не правительство.

– Ты же учёный, Аристарх. Латынь что ли не учил? Террор есть террор, нам и нужны жертвы, и чем их будет больше, тем лучше. Или ты думаешь, что мы такие идиоты воевать с регулярными войсками? Нам

нужно знать, где и в какое время можно незаметно проникнуть в бюро.

– Знаете что, господа, я не буду отказываться от вашего предложения.

– Вот и ладненько, – потирая руки, радостно сказал Вениамин. – Здравый смысл всё-таки возобладал.

– Я вас пошлю всех на «Эдельвейс», а то и куда подальше, – продолжил я, резким хуком послал Вениамина в глубокий нокаут.

Скрутив руки, меня начали монотонно избивать, я потерял сознание. Придя в себя, увидел всё ту же полемизировавшую группу, мои руки были связаны.

– Ну что, герой, очнулся, – подойдя ко мне, поглаживая челюсть, сказал Вениамин. – Мы найдём выход, поверь, а тебя к бомбе привяжем, «защитник угнетённых и обездоленных», будешь Мюнхгаузеном.

Внезапно в конференц-зал ворвался запыхавшийся, раненый повстанец.

– Нас предали, войска, тут везде войска, нам не уйти.

– Баррикадируйте дверь, всем вооружиться, – крикнул Билл.

Они не успели. В зал ворвались правительственные войска, кто был с оружием, были уничтожены на месте, остальных посадили на колени и заковали в силовые фиксаторы. В зал размеренно вошёл офицер, показывая всем своим видом напыщенную важность, остановившись в центре, он снял защитный шлем и перчатки. Я обомлел, это был Сергей.

– Ну что, господа террористы, всё планируете, как бы кого убить? – иронично спросил он.

Билл плюнул в его сторону.

– Всех привести к ТБМ.

– А как же суд, расследование? – с испугом в голосе спросил Билл.

– Разрешения уже получены, – комиссар вынул электронный бланк.

– Осталось только вписать фамилии, чем я сейчас и займусь.

– Господин комиссар, господин комиссар, – неожиданно влез в разговор Вениамин. – Это я, я, 118-ый, Вы обещали свободу, стерилизацию памяти и безбедную жизнь, у нас с Вами договор. Свою часть контракта я выполнил в полном объёме. Я хочу забыть эти ужасы, понимаете, забыть.

– Ах, да, я и сам забыл. Освободите 118-го, – распорядился Сергей.

– Спасибо комиссар, спасибо, – дрожащим голосом причитал Вениамин, подойдя к Сергею.

Комиссар резко достал пистолет и выстрелил ему в голову.

– Контракт аннулирован, ты всё забыл, свободен и ничего не помнишь, – достав мелочь, он небрежно кинул её на труп. – Вот твои деньги, заплатишь, когда поплывёшь через Стикс. Ктонибудь, видел, как я нарушил закон? Всех в ТБМ, немедленно, – идя к выходу, он громко смеялся.

Что здесь вообще происходит? Кому верить? Мои мысли путались, я не воспринимал реальности. Куда подевался боевой дух повстанцев? Билл, убивший народу больше «чем весит», плачется и вымаливает пощады у своих непримиримых врагов. Вениамин вообще предатель в своей организации. Сергей, с которым мы вместе работали в КБ, с ним же нас и осудили, оказался комиссаром планетарной безопасности. Я запутался окончательно и устал. Везите меня куда хотите, только подальше от этого безумия.

У выхода Сергей остановился, развернулся и пошёл в мою сторону.

– Здравствуй, дорогой мой Аристарх, сколько лет, сколько зим, – выведя меня, из невесёлых раздумий, спросил он.

– Семь.

– Что семь?

– Семь лет и семь зим, – ответил отречённо я.

– Ты даже не спросишь, как я стал комиссаром вместо этапирования в ТБМ?

– Сергей, делай что хочешь, я устал, и ничего не хочу слушать.

– Ты знаешь, Аристарх, я тоже устал, знаю, что тебя осудили неправомерно и что ты отказался сотрудничать с повстанцами, хотя понимал, что они не помилуют. Но к сожалению, я не смогу отменить решение суда. Я походатайствую по поводу твоего освобождения, но это займет слишком много времени. Знаешь ли, бюрократия.

– Лучше убей меня, как убил Вениамина.

– Он этого заслуживал, у этого шакала ни совести, ни Родины, ни флага, а горбатого только могила исправит. Ладно, Аристарх, удачи и, надеюсь, до встречи.

ДУБЛЬ ДВА

Через два дня я в очередной раз оказался на перроне станции Байконур, в обществе таких же, как и я, заключённых. Сопровождавшие нас конвоиры усадили всех в шаттл, оборудованный под перевозку осужденных. Зафиксировав руки и ноги гидравлическими кандалами, охрана расселась по своим местам. В салон зашла симпатичная стюардесса.

– Уважаемые пассажиры, Вас приветствует бортпроводник коммерческой компании космических перевозок «Woaland», за штурвалом борта пилот 1 класса Хью Гранд. До спутника Земли 384 467 километров. На дозаправку наш борт пристыкуется к орбитальной станции «Ковчег-1» на точке Лагранжа. После произведёт посадку на

Луне возле «кратера Альфонса», где вас сопровождают эти милые вооружённые охранники. Попрошу Вас расслабиться и получить максимум удовольствия от полёта, мы прибудем в космопорт «Земного сектора №2» через 1 час 20 минут.

Я смотрел на стюардессу и размышлял о смысле жизни, вообще последние семь лет я много думал, да и другого занятия кроме как думать у меня не было. Всё-таки не смотря на судебную ошибку, я остался человеком, не побоялся же отказать террористам, возможно, этим бы спас много жизней, это согревало мне душу. Под эти тёплые сердцу мысли не заметил, как уснул.

– Уважаемые пассажиры, мы прибыли в космопорт Лунной колонии, приятного Вам отдыха.

От неожиданности я проснулся. Нас отконвоировали в спецмашины и под прикрытием двух бронемашин повезли в видневшийся вдалеке блестящий защитный купол Земной колонии.

– Выходи по одному, руки за голову, – скомандовал охранник.

Более 50-ти заключённых через десять минут сидели на открытом плацу. В центр перед осуждёнными вышел высокий, бородатый человек в синей униформе с логотипом ТБЛ и знаками различия.

– Вы прибыли для отбывания наказания в тюрьму биологического материала, я начальник этого заведения, подполковник Крюк. Для некоторых это последняя станция, и тут вы проведёте остаток вашей никчёмной жизни, искупая свою вину во благо процветания общества. После медицинского осмотра вас поделят на три сектора.

Заключенные, попавшие в первый сектор, будут жить в человеческих условиях, их будут наблюдать медицинские работники, хорошее питание, спорт, чистый воздух. Их будут использовать как доноров, они будут жить, пока не потребуются их органы или члены.

Попавшие во второй сектор будут содержаться, как и в любой другой тюрьме, за исключением, что подача кислорода будет снижена до 18%, так что случаи гипоксии не редкость. Вы будете работать на копях по добыче осмия.

Кто попадёт в третий сектор, переводятся для дальнейшего заключения на Марсианскую колонию.

– Командуйте, лейтенант, – отдал распоряжение Крюк.

– Встать, шагом марш.

Плотной колонной мы пошли в санитарный блок. Через три часа такой же по-военному стройной колонной вышли из блока, у каждого заключённого на правой груди «красовалась» цифра, я был распределён в третий сектор.

МАРС, «ДОЛИНА МАРИНЕРИ»

Из пятидесяти трёх заключённых ТБМ, в третий сектор попали всего три человека. Мы пробыли в Лунной колонии семь дней, после чего нас экстрадировали на Марс. Через десять суток мы прибыли к месту назначения. Начальник Марсианской тюрьмы в отличие от подполковника Крюка принял нас абсолютно не как заключённых. С нас сняли силовые фиксаторы и проводили в кабинет полковника Атамова, где заводили каждого по отдельности, меня вызвали последним.

– Здравствуйте, Аристарх Иванович, присаживайтесь, – указав на стул, сказал начальник.

На столе у Атамова лежали планшеты с личными делами заключённых, позади него находилась система управления базой.

– Так, убийство, побег, сотрудничество с террористами, много же вам инкриминировали.

– Это всё ложь, я никого не убивал и не сотрудничал с террористами.

– А побег?

– Так получилось, господин полковник, стечение обстоятельств.

– Я знаю, Аристарх, успокойтесь.

– Как Вы знаете?

– У Вас всё написано в личном деле.

От изумления я открыл рот.

– И что сейчас? – спросил я.

– Вы будете жить и трудиться на Марсе как абсолютно свободный человек, со всеми удобствами, как на Земле. Ограничение Ваших свобод будет одно.

– Это какое?

– Вы никогда не вернётесь на Землю. Работа, которую Вы будете выполнять, засекречена, и её разглашение может повредить не только планете, но и всему Галактическому Союзу.

– Что это за работа?

– Вы будете оператором ЭНС «Людмила».

– Это что ещё такое?

– Электронная нейросистема, предназначенная для контроля и анализа любых действий построения, моделирования той или иной ситуации.

– Полковник, это вы её создали или пришельцы?

– Нет, Аристарх, её создали Древние, мы с Протуберанцами её нашли и оживили. Это живой, самостоятельно мыслящий организм. Пошли, я тебе её покажу.

Мы спустились на уровень –13, оказавшись на просторной смотровой площадке, над шахтой. Вглубь шахты уходил большой стеклянный стержень, наполненный прозрачной жидкостью, в котором плавали сотни тысяч диэнцефалонов.

– Господин полковник, я не ошибаюсь, в растворе аппарата находятся промежуточные мозги?

– Вы наблюдательны, господин Аристарх. В этом и будет заключаться Ваша работа. Я говорил, что это живой организм, и как у любого живого организма биологические клетки отмирают. Ваша задача заключается в их своевременной замене.

– Но где вы их берёте? Где вы берёте биологический материал?

– Соответственно, в ТБМ, – ответил начальник.

– Сколько вы уничтожили людей? Вы обращаетесь с человечеством как со стадом, выращивая их на Земле, как в инкубаторе, – закричал я.

– Успокойтесь, Аристарх, зачем так нервничать. Тут находится биологический материал не только людей, но и протуберанцев, и других видов, входящих в ГаСоМи. Вы думаете, я человек? Нет, Аристарх, я материализованная проекция «Людмилы», как и все сотрудники этой базы. Кем было человечество до Первого контакта, кем были протуберанцы? Разрозненные, бесконечно воюющие между собой виды. Сейчас это высокоразвитые цивилизации, изжившие преступность, стёршие границы. Это всё спроектировала и воплотила в жизнь «Людмила», она всегда на шаг впереди.

– Мы все рабы машины, но знай, проекция бездушная, вы одно не просчитали: я человек, и мне свойственно поступать, как я хочу.

Аристарх повернулся и побежал в кабинет начальника, где до этого момента заметил кнопку самоуничтожения на панели управления базой. Как ни странно, но его никто не преследовал. Он вбежал в кабинет и нажал кнопку.

– До самоуничтожения осталось одна минута, – начал отсчёт механический голос.

Забаррикадовав дверь, Аристарх присел.

– Ну вот и всё, – мелькнула последняя мысль, перед тем, как он потерял сознание.

ЭПИЛОГ

Шёл 2058 год, Аристарх Давыдов, как и весь мир, готовился к празднованию 23-ей годовщины «Контакта Дружбы». А в это время, за 400 миллионов километров от Земли в «долине Маринери»:

– Ну что, Людмила, удовлетворила ты своё любопытство? – спросил полковник Атамов маленькую голубоглазую девочку.

– Да, удовлетворила, можешь вычёркивать.

Полковник взял планшет, на котором зачеркнул три слова: МУЖЕСТВО, ОТВАГА, ЧЕСТЬ.

– Он прошёл второй цикл своего Рубикона, оставим его в покое, Людмила?

– Нет, полковник, переводи его на третий цикл, хочу узнать, как люди относятся к любви, смоделирую этот сценарий.

– Как скажешь, Людмила, всё в твоей власти.

Полковник записал на планшете: «Цикл 3. Любовь».

СОДЕРЖАНИЕ

Исповедь.....	3
Страж Олимпии.....	9
Мужество. Отвага. Честь.....	56

Токарев фон Лихтенштейн
(Токарев Евгений Владимирович)

РЕИНКАРНАЦИЯ СУДЕБ

Некоммерческое литературно-художественное издание

Корректор – Васильченко С. В.
Компьютерная вёрстка – Романенко А.Ю.
Обложка – izdat-knigu.ru
Иллюстрации – pixabay.com

«Ассамблея независимых издательств»
(Уральский филиал)
Екатеринбург
2016 г.

Подписано в печать 25.07.2016 г.
Печать цифровая
print-on-demand